

**Олег Макаровский
Федор Федорович Чешко
Олег Игоревич Дивов
Антон Тудаков
Владимир Свержин
Майкл Гелприн
Алексей Геннадьевич Ивакин
Алекс Резников
Вадим Шарапов
Михаил Логинов
Станислав Бескаравайный
Григорий Константинович Панченко**
Мир фантастики 2014. На войне как на войне

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658188

Мир фантастики 2014. На войне как на войне./ сост. Г. Панченко : АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081356-8

Аннотация

В этом сборнике нет рассказов о генералах.

Это истории о «пушечном мясе», простых людях, которые сумели остаться людьми даже на войне.

И не важно, какой именно была их война: человек против нечеловека, мечи против колдовства или винтовка Мосина против карабина системы «Маузер». Война — всегда война.

В этой Войне могут принимать участие красноармейцы и эльфы, белые генералы и красные комиссары из несбывшихся реальностей, пугачевские повстанцы и швейцарские оккупанты, пришельцы и солдаты Вермахта.

Каждый из них верит в свою победу, они готовы сражаться и умереть за нее.

И за ценой стоять не придется.

Содержание

Вадим Шарапов	4
Олег Дивов	12
Олег Макаровский	17
Михаил Логинов	26
I. В степи за Волгой	26
II. 127 лет спустя	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мир фантастики 2014. На войне как на войне (сборник)

составитель Г.Панченко

Вадим Шарапов

В первый пар

(Из цикла «Рассказы о старшине Степане Нефедове»)

Веник был хорош.

Степан еще раз вдохнул березовый дух, примерился, взмахнул вязанкой прутьев, точно саблей.

– Эх, благодать! – сказал громко и расстегнул верхнюю пуговицу на гимнастерке, покрутил головой от удовольствия.

– Товарищ старшина, баня готова! – раздалось издалека. Скрипнула калитка, из огорода степенно вышел сержант Файзулла Якупов. Достал трубочку, закурил, заулыбался белозубо, приглаживая щетку черных усиков и сощутив узкие глаза.

– Чего смеешься, Татарин? – Степан Нефедов перебросил веник из руки в руку, качнулся влево-вправо, будто в ножевом поединке, неуловимо быстро перетек вплотную к Якупову.

– Якши! – засмеялся сержант. – Быстрый ты, шибко быстрый. В баню пора!

– Нет еще, – Нефедов прошел мимо него в огород, пробираясь сквозь разросшийся бурьян по тропинке. – В первый пар нам нельзя.

– Почему? – удивился Якупов, даже вынул трубку изо рта.

– Банник, Хозяин, пусть попарится всласть. Столько лет эту баню как следует не топили, сейчас он злой как собака. Пойдешь в первый пар – угоришь или обваришься, точно. Сейчас пойду, веничек ему запарю. А уж потом и мы...

– Такой большой, Степан... – хмыкнул Татарин.

– ...а в сказки верю? – закончил за него старшина. Сунул веник под мышку и потопал к бане, не оборачиваясь.

Возле вросшей в землю, сложенной из толстенных бревен бани, почерневшей от времени, двое кололи дрова. Женька Ясин, из нового пополнения, сняв пропотевший тельник, играл колуном, с маху раскалывал здоровенные чурбаки. Парень был мускулистым, широкоплечим, так что, глядя на него, Нефедов вспомнил Чугая, который погиб под Ельней.

– Ванька поздоровее был, – сказал он вслух и вздохнул. Маленький сухощавый Сашка Конюхов, который на лету подхватывал поленья, точно пули свистевшие из-под колуна, покосился на него.

– Ты чего, командир? – и ловко, не глядя, выхватил из воздуха очередное сосновое полено.

– Да так, – сумрачно отозвался Степан и зашел в баню.

Уже в предбаннике шибануло приятным жаром, с примесью хвойного духа. Мужики постарались, разогрели как надо. Степан снял ботинки и толстые вязаные носки, потоптался на скрипучих досках, разминая босые ступни, потом открыл еще одну дверь и забрался в парилку, щурясь от почти нестерпимой жары.

Быстро набрав кипятку в новенькую шайку, умело сработанную тем же Конюховым, Степан положил в него веник, поглядел, как сухие листья начинают набухать и расправляться. Встал посреди парилки, уважительно поклонился на четыре стороны.

– Здравствуй, Хозяин! – негромко проговорил, глядя как в щелях каменки бьется пламя, – помоги чистоту навести, грязь, болезни свести... А мы тебя уважим за это первым парком.

Показалось или пламя в трубе и вправду прогудело глухо, словно бы кто-то сказал «Ладно»? Степан повернулся и вышел из парилки, утирая вспотевшее лицо рукавом.

– Ну и разогрели вы!

– А что? – Ясин наконец-то воткнул колун в пенек и потянулся. – Банька что надо! По-нашему, по-сибирски.

– Белье припасли? – Нефедов стоял, чувствуя, как земля чуть холодит ноги, и смотрел на облака, наползающие из-за кромки леса.

– Все в порядке, товарищ старшина, даже и на вас комплект новенький раздобыл, еще в Бортково на складе! – весело доложил Конюхов. От скуки он уже нацелился метнуть свою знаменитую финку в стену бани, но Нефедов глянул на него грозно, и Санька опустил уже замахнувшуюся руку.

– Я тебе кину... В баню пусть никто не заходит, Хозяина уважать надо. Ясно?

– А-а... – понимающе протянули оба, а Якупов от калитки снова засмеялся.

– Смейся-смейся... – проворчал Степан и уселся на пенек. Он сидел и смотрел на полуразвалившуюся избу, которая еле виднелась из-за бурьяна.

* * *

Когда Особый взвод, точнее семь человек, которые от него остались после операции под Львовом, отвели «на переформирование», Нефедова к себе вызвал полковник Иванцов. Разговор не затянулся. Глядя на почерневшего от недосыпа, обросшего щетиной старшину, полковник долго молчал. А у Степана первый раз в жизни руки от усталости тряслись так, что табак из самокрутки сыпался на пол, и рвалась тонкая бумага.

– Значит, так, – Иванцов выдал Степану коробку «Казбека», смахнул недоделанную самокрутку со стола. – Сделаем вот что. Здесь, в районе, есть одна деревенька... точнее, была до войны. Родня у меня там жила, дядька с теткой, колхозники. Недавно с дядькой я повидался, они из эвакуации вернулись. Говорит – от деревни не осталось ничего, после того как там немцы похозяйничали. Кто успел уйти в лес – ушел, кого эвакуировали – только сейчас возвращаются. А возвращаться-то вроде как и некуда, одни развалины. Похоже, там танковая часть стояла, почти все дома по бревнышку раскатали то ли от злости, то ли от скуки. Дядькину хату тоже наполовину обрушили.

Полковник помассировал кисть левой руки. После залеченного ранения пальцы постоянно мерзли – видимо, пуля задела какой-то нерв.

– Но это все неинтересно. Главное вот что – баня у них там осталась. Хорошая баня, еще прадед строил, на века. Баню немцы не тронули, хоть и сами в ней не мылись, не запоганили. Стоит себе в огороде, целехонькая, хоть сейчас затопи да парься. Вот туда и направляйтесь. На неделю. Приказ я уже составил, а жить в палатках вам не привыкать. Отдохните, выпитесь как следует. Потом будешь пополнение принимать, а сейчас приказываю отдыхать, понял?

– Так точно, – старшина справился с дрожащими руками, выпрямился по стойке «смирно».

– Чего тянешься? – недовольно махнул рукой Иванцов. – Иди уж... богатырь, тоже мне. Грузовик ваш на ремонте, возмешь полуторку в хозяйстве Фомина, он знает...

... – Старший, – тихий шипящий голос вывел старшину из раздумья. Он повернул голову и увидел Ласса. Альв сидел чуть поодаль на корточках, внимательно вглядываясь своими глазами без зрачков в лицо Нефедову.

– Что?

– Тар'Наль вернулся. Говорит, что все спокойно.

– Вот и хорошо, – старшина отозвался вяло, потом зевнул. – Выспаться бы мне, Ласс. После баньки – самое то, а? Попарюсь – и на боковую.

Он зевнул еще раз, поднялся, спросил:

– А ты как? Помыться не желаешь?

Альва слегка передернуло, он высоко поднял брови и улыбнулся холодной, едва заметной усмешкой, чуть приподняв краешки губ.

– Нет, Старший. Благодарю...

– Извини, – старшина сокрушенно развел руками. – Позабыл!

Оба они знали, что Нефедов шутит. Воспитанный альвом, он никогда не забывал, что они соблюдают чистоту по-своему, составляя настои и отвары из разных цветов и корней, очищающих тело и убивающих любой запах. Вот и сейчас от Ласса ничем не пахло, так что даже собака не смогла бы учуять его по ветру.

– Однако, первый пар прошел. Пора и нам, – сказал Степан. – Мужики, а ну готовьтесь грешные тела мыть!

Первыми в баню отправили самых молодых, хотя парни упирались, не желая, чтобы «товарищ старшина» пользовался веником уже после них.

– Да как же так? – бурчал Женька Ясин. – Непорядок! Вам, товарищ старшина, надо первому, в лучший пар, с новым веником...

– Ясин, – проникновенно отозвался Нефедов, который уже снял штаны и сидел в одних бязевых подштанниках, – иногда я жалею, что ремня тебе всыпать не могу. Отставить прекрататься! Топай мыться, и побыстрее.

– Ну ладно, ладно! – притворно испугался Женька и скрылся в бане. Скоро оттуда понеслись громкие вопли: – Эх! Наддай! Сильнее! Охаживай его как следует! Жарь по бокам! Эх! Ух! А-ах!

– Разнесут баню, черти, – ухмыльнулся Андрей Никифоров, отрядный колдун, который появился из-за бани и подошел неслышными шагами. Высокий и жилистый, он мало походил на мага, даже здесь не расставаясь с трофейным автоматом.

– Мыться тоже с ним будешь? – съязвил Конюхов, тыкая пальцем в оружие.

– Точно. – спокойно отозвался Никифоров. – Тебя им буду парить, вместо веника. Славно пойдет! Особенно если взять за ствол, да промеж лопаток...

– Не ссорьтесь, – лениво протянул Степан. Он сидел, прислонившись лопатками к теплым бревнам бани, и чувствовал, что может просидеть так хоть сто лет – не двигаясь, чувствуя, как старое дерево вытягивает из тела усталость. – Что там у тебя, Андрей?

– Ничего. Грибов насобирал, – колдун развернул плащ-палатку и предъявил кучу маслят.

– Ой, мои любимые! – совершенно по-детски обрадовался Конюхов. Потом подозрительно посмотрел на Никифорова. – Андрюша, а ты их как собирал?

– Как? – растерялся тот. – Н-ну... руками и ножом...

– Точно не заклятием? А то, если они сами к тебе в плащ-палатку прыгали, я их есть не буду!

– Тьфу, блин! – Никифоров дал подзатыльник хохочущему сержанту, осторожно уложил плащ-палатку на пенек, изрубленный колуном. Подошел Якупов, потрогал маслят пальцем.

– Бик якши, после бани поджарим с лучком...

– Да уж. Ты, Татарин, повар знатный, – старшина прислушался.

Стукнула дверь, и из предбанника вылетели все трое молодых – распаренные до малинового тела, с прилипшими тут и там березовыми листьями.

– Ох-х... не могу! – стонал Ясин. – Упарили!

– Значит, Хозяину понравилось, – Степан Нефедов потушил окурок и поднялся. – Ну, мужики, айда.

– Хорошая баня... – прошептал Конюхов. Маленький сержант сидел на полке, полузакрыв глаза, и на его блестящем от пота теле все резче выделялись старые багровые шрамы. А Нефедов лежал рядом и, хотя прошло уже больше десятка минут, был почти сухим, а шрамы, которых у него было куда больше, оставались белыми.

– Командир, а ты почему не потеешь? – спросил Никифоров. Даже в бане колдун не снял с шеи железный оберег-ворон и теперь, морщась, то и дело плескал на него холодной водой из бочки.

– Это только мертвые не потеют, – стальная коронка тускло блеснула в луче света из маленького оконца, когда Степан улыбнулся, – а я живой. Только тяжело потею, долго... что правда, то правда. Я, Андрюша, в свое время столько альвовских настоев выпил – мало не покажется. Учитель из меня дурные соки выгонял, он сам так говорил. Приучал тело работать быстрее и сильнее, раны залечивать. А на вкус все эти настои, скажу я тебе, – дрянь страшная. Похлеще того, который ты нам под Волоколамском давал, чтобы волки нас не чуяли, помнишь? Так вот – тот просто малиной был. После альвовских сутки выворачивало сначала с непривычки-то, человек к ним не приспособлен. Многие помирали, говорят.

– А ты? – спросил Конюхов и тут же, опомнившись, захохотал во все горло.

– И я, – старшина пожал плечами и перевернулся на живот, – ну уважил наш Хозяин! Ай да баньку истопил! Обязательно надо оставить ему тут свежий веник. Не забудь, Саня. А теперь – ну-ка, Файзулла, поддай на каменку да пройдишь по мне березовым как следует!

Переждав лютый жар, вырвавшийся из каменки после ковша воды, татарин принялся стегать Степана веником – да так, что тот вскоре почувствовал, как тело становится звонким и легким, точно воздушный шарик...

Грохот двери заставил его подскочить. В баню ворвался Женька Ясин – уже одетый, передергивая затвор автомата.

– Немцы! – крикнул он.

– Чего? – Нефедов еще не успел осмыслить, но тело уже исполняло привычный ритуал, собираясь как пружина перед боем. – Какие немцы? Откуда?

– Отряд на опушке леса... Ласс заметил... Похоже, из окруженцев, а может, десант... – Женька торопился, захлебываясь словами.

– Тихо, не шутри! – остановил его Санька Конюхов. – Сколько?

– Человек двадцать. Все в пятнистом, ранцы за плечами... Идут врассыпную.

– Ясно. Значит, не простая пехтура, – подытожил Никифоров, натягивая штаны.

Они едва успели выскочить из бани и повалиться в полынь, как тут же попали под обстрел. Немцы оказались зоркими и опытными, огонь повели густо, и даже Тар'Налю, в первую же минуту прострелившему головы двоим, пришлось залечь и откатиться за пенек. Пули взвизгивали, чавкали, врезаясь в бревна, гудящие под выстрелами, шипели в сырой траве.

Степан, подкатившись к остаткам забора, выцелил перебегавшую фигуру в камуфляже, нажал на спуск и тут же, на выдохе, подловил второго. Немец выгнулся, повалился в борозду между кучами сопревшей картофельной ботвы, заскреб каблуками по земле и уgomонился.

Сзади вскрикнул Конюхов, длинно выматерился сквозь стон. Обернувшись, Нефедов увидел, что конопатый сержант зажимает ладонью плечо, а сквозь пальцы у него сочится кровь, лентой сползая по руке.

– Сашка, за баню! – крикнул он. Рядом вдруг возник Ласс.

– Нет, Старший, второй отряд заходит с другой стороны. Они обошли деревню, – альв оставался невозмутим, и только длинные пальцы с нечеловеческой быстротой порхали над патронником карабина.

– Проворонили! – Старшина заскрипел зубами.

– Нет, Старший, – повторил Ласс. – Они шли под Незримым Словом, но их увидел Тэссэр. Кроме него, их не увидел бы никто, – альв выстрелил дважды, приник к земле, когда автоматная очередь сбрила траву у его головы.

– Никифоров, сзади! – Старшина надсадно крикнул во весь голос, выщелкнул опустевшую обойму из «парабеллума». «Пропало чистое белье», – мелькнула нелепая мысль.

И тут он увидел, как распахнулась дверь бани, хотя изнутри за нее никто не держался. В проеме показалось что-то – мохнатое, черное, словно бы клубящееся, как дымный сгусток. Нефедову показалось, что он различает два глаза – горящие красные точки. Файзулла Якупов крикнул, что-то быстро сказал по-татарски, словно отгонял дурной знак.

– Сюда! – густой голос перекрыл выстрелы, над огородом будто прошелестел банный веник. Мгновенно сообразив, что к чему, Степан крикнул:

– Отходим к бане! За мной! – и рванул в открытую дверь предбанника.

За ним ввалились остальные, каким-то чудом поместившись в небольшом пространстве. Выстрелы снаружи сразу же стали слышаться еле-еле, словно всю баню обернули гигантской подушкой. Бойцы стояли, тяжело дыша, перемазанные травяной зеленью и грязью.

– Сашка тут? – Нефедов вытянул шею.

– Здесь... – прерывисто отозвался из полумрака Конюхов, которому Ласс бинтовал руку быстрыми витками. – Чего теперь, командир? Я, конечно, понимаю, что тактика и стратегия... Но они же нас окружили. Ясин погиб, пулю прямо в лоб получил, я сам видел...

Скрипнула, открываясь, дверь в парилку, но жаром оттуда не дохнуло – наоборот, холодом, точно из погреба. Черный дым стоял в дверях плотно как кисель. И там, в глубине, два тусклых глаза смотрели сквозь него. Потом дым вдруг как-то сжался, втянулся сам в себя – и оказалось, что посередине парилки стоит маленький мужичок с черной бородой, в длинной исподней рубахе.

– Не бойтесь, – сказал он. Все молчали, и только Степан перевел дух и устало сел на лавку.

– Чего бояться? – сказал он. – Русский банник не обидит.

– Не обижу, – подтвердил мужик. Глаза его, цвета раскаленного угля в печке, впивались поочередно каждому в зрачки долгим взглядом. – Уважили. Истопили баню. Все честь по чести.

Хозяин говорил отрывисто, речь его напоминала пощелкивание поленьев в топке.

– Все сделали. За что обижать? – Тут банник перевел взгляд в окно. В это мгновение пуля выбила стекло, обдав его веером стеклянных брызг, но Хозяин даже не поморщился, не отвел лица, только черные волосы на затылке заострились иглами, встали дыбом.

– Они сюда пришли. Кто звал? – Теперь банник разговаривал сам с собой. – Дом порушили. Даже пса убили. Теперь снова пришли. НЕ ДАМ!! – вдруг заревел он так страшно, что отшатнулся даже старшина, ударившись затылком о бревенчатую стену. Только Тэссэр остался неподвижен, выцеливая кого-то сквозь выбитое окно. По ушам ударил выстрел, гильза покатила по доскам.

Обернув к солдатам Особого взвода закопченное лицо, банник улыбнулся, показывая острые шилья зубов.

– Сейчас сам пойду, – сказал он, и тут же стал струей дыма, клубящегося под потолком. Дым проскользнул в печное поддувало, втянулся туда целиком. Нефедов проскользнул к оконцу, осторожно выглянул.

– Твою мать... – пробормотал он.

– Что там?

– Сам посмотри, – Степан кивнул Никифорову, и тот одним глазом глянул, оставаясь за бревнами.

Немцы были совсем близко, перебежками окружали баню. Труп одного из них, подстреленного Тэссэром, валялся на траве, каска откатилась в сторону, из развороченной глазницы сочилось кровавое месиво. Черная дымка скользнула к нему, втянувшись в раскрытый предсмертной конвульсией рот. Труп дернулся. Солдаты, уже оставившие его за спинами, этого не видели – отстегивали с ремней и доставали из подсумков гранаты, готовясь забросать ими баню.

Мертвый солдат медленно встал, его руки цепко ухватили автомат, поменяли пустой магазин. Скрюченные пальцы оттянули и отпустили затвор. Услышав лязг, один из немцев оглянулся, вскрикнул не своим голосом.

– Пригнись! – Нефедов оттолкнул колдуна от оконца.

За стенами бани ударила длинная очередь – весь рожок автомата вылетел в секунды, кто-то заорал, захрипел, падая на землю. Старшина снова выглянул наружу. Мертвецов прибавилось, а посреди огорода под выстрелами дергался труп, истекая черным дымом. Пронзительные вопли на немецком прекратились, когда дважды покойник снова рухнул на землю, превратившись в мокрое решето.

– Хорошо он их, – хмыкнул Степан. Дым уже сочился из печки, снова собираясь в чернобородую фигуру.

Теперь банник был совсем черен лицом, глаза потускнели.

– Тяжело, – выговорил он медленно. – Внутри быть тяжело.

Пули – измятые, исковерканные – заскакали по половицам, горохом посыпались из рукавов исподней рубахи. Банник остановил неподвижный взгляд на Никифорове, который умоляюще подался вперед, точно просил о чем-то.

– Можно... – прошептал он. – ... иди сюда.

Колдун шагнул вперед и протянул руки. Банник цепко ухватился за его кисти длинными пальцами. И словно взорвался, охватив со всех сторон черным студнем тумана.

– А-а-а! – Никифоров протяжно взвыл, упал на спину, выгнулся так, что пятками и лбом коснулся досок. Руки он выбросил в стороны, и оцепеневший Нефедов увидел, как скрюченные пальцы раз за разом пробивают дыры в толстом дереве. Потом Андрей перекатился на бок, встал. Поглядел на старшину глазами, затянутыми кровавой пеленой. И шагнул к двери.

– Куда! – Конюхов рванулся вперед, зашипел от боли в плече, когда Степан резко его осадил, дернув обратно.

– Ждем! – яростно приказал он.

Никифоров, волоча ноги, вышел во двор – и был встречен выстрелами в упор. Но вокруг колдуна уже ворочалось пыльное облако, разраставшийся смерч подметал траву, вырывая ее с корнем, перемешивая с землей, – и пули канули в этом облаке. Немцы пятились, заслоня лица от пыли и хлещущей травы.

Пронзительно заскрипела дверь бани, и Степан увидел, как толстые ржавые гвозди, щедро вколоченные в нее когда-то давным-давно, медленно разгибаются, с визгом выползают из досок наружу. Но автоматы на это никак не реагировали, оставаясь висеть на ремнях.

– Чудеса, – старшина привалился к стене.

Грохнул взрыв, по бревнам стегнули осколки гранаты. Дверь окончательно развалилась, зазвенели петли, гвозди исчезли в крутящемся облаке. На полуразрушенной избе поодаль просела крыша, повалились ничем больше не поддерживаемые дверные косяки.

– Башку пригни! – Нефедов силой повалил Якупова, который все порывался стрелять в немцев. – Куда палить собрался? Видишь, что с пулями творится?!

Ласс, Тар'Наль и Тэссэр аккуратно убрали винтовки за спины, прижались к полу, отвернув лица от вихря. Степан, не поднимая головы, пошарил рукой по лавке, сунул руку в карман штанов, где звякнули обереги. На ощупь сломал один из них, сунул в рот.

Мир полыхнул холодным оранжевым пламенем. Фигуры немцев засветились тревожно-багровым, мечущимся, – а кокон вихря истончился, став почти невидимым. И прямо посреди него Нефедов увидел фигуру с раскинутыми руками – ослепительно-белую, обросшую, точно черными иглами, гвоздями. Остриями наружу.

Он выплюнул пластинку, сильнее вжался в пол бани. Воздух взвыл и оглушительно лопнул, бревна затряслись, из пазов посыпалась моховая труха. Сильно и часто застучало по дереву, точно сотни молотков одновременно грохнули с размаху.

Тишина

Потом Степан поднялся на ноги и вышел из бани, держа наготове «парабеллум». За ним начали выбираться остальные, щурясь на солнце, показавшееся из разрыва в облаках.

Сначала старшине показалось, что живых во дворе нет. Повсюду валялись трупы немцев – истыканные, насквозь пробитые гвоздями, торчащими в головах, руках, ногах... Трава на огороде осталась только по углам, а посередине чернела голая, точно вспаханной землей проплешина, в центре которой, раскинув руки, лежал Никифоров и очумело смотрел в небо.

– Живой? – Нефедов в два прыжка добежал до него, опустил рядом на колени. Колдун помолчал, подумал.

– Ага... – неуверенно сказал он и попытался подняться. С первого раза не получилось, но упрямый Никифоров все-таки сел и затряс головой.

– Едреный стос, – тоненько протянул он, оглядывая поле боя. – Кто это их так?

– Не помнишь, что ли? – Подоспевший Санька Конюхов помог колдуну подняться на ноги и картинно осмотрел его, поворачивая здоровой рукой то туда, то сюда. – Это ж ты был! Как завыл, как выскочил во двор! Я лежу мордой вниз и думаю – ну все, хана, прощай, родина, Андрюха разозлился...

– Да ну тебя! – разозлился Никифоров. – Я по-человечески спрашиваю!

– Ты их, Андрей, ты, – Степан похлопал его по плечу и тут же насторожился, дернул стволом пистолета в сторону. Из-за угла бани, кряхтя и волоча ногу, выполз Женька Ясин.

– Жека! – радостно заорал Конюхов, побежал навстречу. – Живой!

– Оглушило меня, – начал оправдываться Ясин, глядя попеременно то на изумленного старшину, то на Саньку. – Товарищ старшина, товарищ сержант, я не специально... успел одного фрица подстрелить, а тут пуля... Лоб оцарапала, а мне показалось, будто лошадь копытом!

– Живой, живой, зараза! – Конюхов, не слушая лепечущего Ясина, тряс его за плечи так, что здоровенный парень мотался как тонкая осинка.

– Э, совсем сдурел Саня! – Файзулла Якупов стоял на пороге бани и улыбался хитро. Он уже успел набить трубочку и теперь пускал в небо колечки дыма. – Совсем парня угробишь, дурной...

– Что было-то? – не унимался за спиной у Степана уже совсем очухавшийся Никифоров, который уселся на пень и растерянно стряхивал землю с подштанников. Что-то в нем

выглядело странно. Старшина пригляделся внимательнее и только сейчас заметил, что оберег, который висел на шее колдуна, исчез бесследно – остался только длинный багровый ожог там, где была железная цепочка и фигурка ворона. Он уже собирался рассказать, но тут Конюхов откашлялся и подбоченился.

– Значит, дело было так, Андрей...

Тэссэр и Ласс за его спиной переглянулись с одинаковым выражением и пожали плечами. Ласс сделал вид, что затыкает уши. Потом альвы демонстративно повернулись и удалились.

– Ну все, погнал сержант, – сокрушенно сказал Ясин. – Теперь не остановить. А я все это видел, сейчас припоминаю. Как меня эти гвозди не задели – ума не приложу, я ж даже не прятался, просто валялся как дурак. Будто кто-то за угол оттянул...

Нефедов вздрогнул.

– Вот что, мужики! – На его окрик повернулись все, Конюхов осекся на полуслове, даже альвы замедлили шаг. – Значит, все понимают, кто нам помог? Даже ты, Файзулла?

Якупов вытащил трубку изо рта, быстро и серьезно покивал, потом провел ладонями по лицу, что-то тихо прошептал.

– Вот так, – продолжил Нефедов, – а если все понимают, то надо в ответ помочь. Чуть вконец баню не разнесли.

Он поглядел на черные бревна. Вся стена бани, обращенная к огороду, была густо утыкана гвоздями. Шляпки их блестели как отполированные.

– Надо, думается мне, дверь заново сколотить, окно починить. Стекло, поди, можно тут найти, хотя бы кусок небольшой. Ну и внутри тоже – лавки оскоблить, печку поправить... Короче – чтобы всё было чика в чик.

Люди молча закивали.

– Я еще крышу переложу, – сказал Ясин. – Я по крышам мастак.

– Хозяину спасибо, – татарин провел широкой ладонью по дверному косяку. Внезапно глаза его открылись до необыкновенной ширины, и он заорал. – Э! Ты что! Куда сел!

Нефедов, холодея внутри, развернулся, готовый ко всему.

И увидел, как Никифоров, матерясь, поднимается с пенька. Прямо с плащ-палатки, полной маслят.

На миг все замерли. Первым захохотал Конюхов. Он повалился на землю, тоненько повизгивая и колотя босыми пятками по разбросанной траве. Засмеялся Файзулла, бросив трубку и утирая набежавшие слезы, потом голосисто заржал Женька Ясин, откинув голову и широко разевавая рот.

– Особый... особый взвод! – сипел Конюхов. – Так твою растак! На себя... на себя поглядите!

В сердцах поддав по пеньку ногой, Никифоров заскакал, держась за ушибленные пальцы. Повалился рядом с Конюховым и тоже засмеялся. Старшина смотрел на них и чувствовал, как пружина внутри медленно раскручивается, отпускает, слабеет.

– Ну вот что, бойцы... – Он начал говорить и вдруг захохотал сам.

Старшина Степан Нефедов стоял и смеялся – хлопая себя ладонями по бокам, приседая, хохоча радостно. Как в детстве.

Облака совсем разошлись, и вскоре с чистого неба брызнул теплый грибной дождь.

Олег Дивов Вундервафля

30 мая 1968 года, где-то под Безансоном

Капает водичка из триплекса, холодненькая, и прямо на штаны, – а говорили, мы герметичные. Если заскучала, майне кляйне, заходи в гости, пиши адрес: Франция, самый большой пруд с самыми жирными лягушками, выплыть на середину, постучать веслом три раза, спросить Васю. Ты не думай, я через границу махнул не просто так искупаться, мой экипаж тонет в этом болоте вполне официально, по просьбе генерала Де Голля, коленвал ему в дупло. Если верить замполиту, мы выполняем интернациональный долг. Вот поди теперь пойми, кто кому больше должен.

Лучше б я в эту ихнюю Сорбонну впаялся, честное слово.

Ты найдешь нас по антенне, она пока на поверхности, хотя мы медленно погружаемся, ничего удивительного, почти тридцать тонн, чай не субмарина на грунте. Еще жив аккумулятор, и эфир доносит до меня сочные эпитеты, какими всегда сопровождается марш советских войск в глубь чужой территории. Если перевести с русского на русский, можно представить общую картину: сколько мирных домиков снес бронированный кулак, сколько милых ситроенчиков раскатало в блины пуленепробиваемое колесо, да как нас всех за это отымеют, когда долг будет выполнен, и в беспокойном хозяйстве Де Голля вновь устаканится конституционный порядок. Не мало влепят мне суток ареста, если, конечно, сумеют отсюда выковырять, а сумеют часа через два, не раньше, ибо я не один такой акробат, много наших полегло по обочинам трассы Е60, кто на боку, кто на ушах, а кто вообще в навозной яме.

Иди по нашим следам, майне кляйне, через развалины фермы, точнее руины, обломки и ошметки, да и наплевать. Мы тут, пока тонули, сначала мучились совестью, а потом решили: какого черта, считайте этот акт вандализма нашей скромной личной мстостью за то, что Наполеон сжег Москву. Если у пруда увидишь хозяев здешнего лягушачьего рая, орущих над мутными водами «ферфлюхтер руссиш швайн!!!», хотя какой руссиш швайн, они французы, но смысл будет тот же – тогда совсем хорошо, значит, мы никого не задавили.

Ну ошиблись чуток: бортмеханик, который на марше за штурмана, пропустил строчку в легенде и вместо «левый два опасный» ляпнул: «Топи, Василий!» Я честно втопил, укладывая стрелку на ограничитель, и в итоге нас утопил. Бесславно и бездарно свинтило под откос гроссе руссише вундерваффе. Стремительным доннерветтером ТГР слетел с трассы, забодал домик, раздавил сарайчик, разметал амбарчик, грузовичок какой-то разъял на запчасти – и стремительным домкратом ухнул в пруд. Нет слов описать, до чего нам всем тут стыдно, темно, холодно, сыро, а главное, душно. Одна радость, у бортача, по чьей милости мы прозябаем и загибаемся, морда всмятку. Пристегнулся небрежно и сам себя наказал, злодей, иначе пришлось бы мне его бить, а я ведь добрый очень, ты знаешь.

И что совсем обидно, недалеко уехали, даже не устали.

А как все мудро было задумано.

* * *

Тигру можно разогнать до ста шестидесяти по прибору, но это, во-первых, страшно, а во-вторых, плохо кончится. Довернуть машину на такой скорости невозможно, и, случись по курсу препятствие, тигра воткнется в него, как метко пущенный боевой утюг. А препятствие случится, будьте уверены. Теория прикладного тигровождения гласит: если через

тигру, раскоцегаренную до максималки, провести воображаемую прямую линию, на другом конце прямой обязательно возникнет материальный объект, к которому тигра и устремится с непреодолимой силой.

А тормоза у нас, простите, не очень.

Тигра, по идее, машина чудесная. Красивая, загляденье. Но как наступишь на педаль, сразу видно: тут все, кроме двигателя, работает на пределе. Обзор никакой, трансмиссия слабовата, о расходе топлива вообще молчу... Зато мы заводимся с полтыка, а сотню набираем за двадцать пять секунд. И даже тормозим не так уж плохо для своего веса. Просто долго. Местные это знают и стараются не подставляться. Тем более, у нас сирена – за версту слышать. Отличная сирена.

Да, забыл, у ТГР еще пушка замечательная и пулеметы.

В остальном, конечно, аппарат сырой. И строгий в пилотировании. Каждый наш учебный марш – чисто русская народная забава «догони меня, кирпич», впору звездочки малевать за сбитые столбы.

Мы летим по автобану: думать поздно, сдохнуть рано.

Я обязан держать на прямой сто сорок. И вроде бы мне тигра нравится, служба нравится, но топить на всю железку – боязно, честно. Говорят, русские любят быструю езду. Только когда у тебя колесная машина в габаритах танка и сравнимая с танком по массе, и вот этой штуковине положено по нормативу доскакать за четыре часа с окраины Фрайбурга до Эйфелевой башни, такое даже для русского чересчур.

А надо, Вася, надо. Четыреста пятьдесят километров единым духом намотай на колесо – и пушку свою лягушатникам предъяви. И высади из «собачника», что позади за башней, десант о шести ужасных рылах при гранатомете, пулемете и снайперке. Рыла у десанта безумные не специально для запугивания французов, а просто ты посиди хотя бы часик в темном душном отсеке через стенку от двига. Когда на свет белый высунешься, удивляясь, что живой, – с одного твоего вида Европа вздрогнет.

Бывает и хуже: вон как у бригады, что стоит в Трире, на родине великого мыслителя Карла Маркса. Им вроде ехать не так далеко, зато через Люксембург, а там рельеф поганый и трасса петляет. На прямых участках они постоянно стрелку класть должны. И сколько машин до точки домчится, а сколько по канавам разлетится, вопрос.

Посему я рад служить на родине великого пиротехника Бертольда Шварца. Городок славный, немцы приветливые, как их в войну союзнички разбомбили вдребезги, тут эти морды тевтонские и осознали, кто им друг. И детям объяснили. Молодежь в школе русский учит так, что от зубов отскакивает. Весьма способствует общению. Девчонки, конечно, нашим не чета, зато без комплексов. Тоже способствует. Вот сменишься с дежурства, мундир напялишь, хлопнешь с ребятами пивка на Айзенбанштрассе, потом выйдешь тепленький уже на Роттесринг – красота! – и напрямик к университету, к памятнику Ломоносову, где гуляют, поджидая нас, милые фройляйн, студентки-русистки. Хорошо ли тебе, лейтенант? Да замечательно. Их лебе дих и все такое.

Батя с войны пришел, меня на радостях заделал, и гляди-ка, через двадцать два года я по той самой улице иду, которую отец гусеницами шлифовал. А рядом девчонка, папаша которой, вполне вероятно, вон из того подвала в моего родителя фауст наводил. Спасибо, не поубивали друг друга. Всем спасибо.

А ведь кто знает, как бы все обернулось, удайся союзничкам ихний оверлорд. Мы в училище разбирали по пунктам эту провальную высадку, и выходит так, что дело решили блицбомберы Ме-262. Сколько нам ни вдалбливали, мол, отдельная вундервафля на войне ничего не значит – а тут она целый фронт закрыла. Бомбанули немцы по наплавным пирсам «Малбери», потом по транспортам прошлись, и остался союзный десант без снабжения да пополнения. А с суши уже Роммель подъезжал, весело лязгая траками, – и настал союз-

ничкам второй Дьепп. Надо было им, дуракам, не мудрить с этими пирсами, а рискнуть и атаковать порты. Боялись потерь, а огребли в итоге втрое и позорно убрались с континента. Своих погубили бездарно, и поди еще сочти, русских сколько полегло лишку, пока не задавили мы Гитлера в одну харю. Батя вспоминал, как вышли к Ла-Маншу, так первым делом ствол задрали и шарахнули болванкой в направлении куда надо: жалко, не долетит, а то бы прямо Черчиллю в грызло засадили.

Спасибо хоть американцы Японию уконтрапупили, не хватало еще и с косыми разбираться. К Америке претензий особых нет, а вот, кто заваруху на континенте устроил, кто Гитлера на СССР натравил, мы знаем и помним.

Они теперь говорят, мы Европу прикарманили – а кто ее спас, извините, генерал Де Голль, что ли? Где бы вы были без русского солдата.

Так что стою я на дружелюбной немецкой земле обеими ногами твердо, пока не приму на грудь дюжину баварского, но и, случись упасть, валяться буду непоколебимо, по праву спасителя и защитника. Ибо лежать посреди города Фрайбурга, да еще у памятника великому русскому ученому Ломоносову М. В., сама История советскому лейтенанту разрешила. По Уставу, конечно, это не положено, да и просто неприлично, но в принципе-то, в принципе!

Тем более, я пилот тигры. Летчик почти и вообще морально космонавт. Пускай низко летаю, зато нагрузка на психику такая, что хоть запули меня сейчас на Луну вместе с Алексеем Леоновым – не дрогну.

Это я по штату «водитель ТГР», мы-то себя пилотами зовем. Бешеную технику нам Родина доверила, неспроста пилот и стрелок офицеры, только бортач – сверхсрочник. А задачи мы решать должны, о каких лет тридцать назад и подумать было дико. Тогда сама идея «автострадного танка» ни в какие ворота не лезла. Дорога, это ведь для бронетехники строго путь доставки к театру военных действий, и то идти надо с прикрытием, а уж бой на дороге принять – чистая погибель. Оседлает противник трассу, запрет на ней колонну, и аллес капут, четыре трупа возле танка дополняют утренний пейзаж, еще в Финляндии мы этот урок зазубрили.

Но кто ж знал, что карта Европы так изменится. Кто ж предполагал, что будут у нас войска быстрого реагирования и особые бригады прорыва. Если грубо, не совсем военные по задачам, а скорее полицейские части, которые должны внезапно метнуться и занять ключевые точки до подхода основных сил. Рвануть в атаку со скоростью доннерветтера, как немцы говорят.

Понятное дело, врагов у нас в Европе, мирной и почти что демилитаризованной, быть не может. Однако народец тут, помимо немцев, дурной да нервный, вспыльчивый, к руководству без пиетета, то маёвка, то забастовка, то студентики шалят. В теории может выйти так, что власти сами не утихомирят смутьянов и попросят помощи. А кого звать-то помогать, ясен пень, советских. Но мы же не повсюду тут стоим, мы ведь не захватили континент, что бы там ни бухтели англичане. Вон штаб ГСВЕ в Баден-Бадене, а дальше немецкой границы если и попадется русский солдатик, так он портфель носит за военным атташе и забыл, с какой стороны в автомат втыкают шомпол. То есть Советы как бы держат руку на пульсе, но в объективной действительности нас фиг докличешься, когда припрет. И даже при полной готовности мы будем ковылять на выручку законным властям суток трое с учетом погрузки-разгрузки. А по небу если, так надо сначала захватить аэропорты путем воздушного десанта, что тоже время займет. Там час потеряли, тут потратили, глядишь, уже полдня проканителлись.

И вдруг – опаньки! – на сцене появляется то самое вундерваффе, про которое мы знаем, что толку от него чуть. За войну лишь дважды оно себя проявило. Сначала у одинокого танка КВ стукнул движок на узкой лесной дорожке, отчего случился форменный хендехох

боевой группе «Раус». Потом блицбомберы ободрали всю малину хитро выдуманным англо-американским оверлордам, и вот это было уже очень серьезно.

А у нас завершил испытания и был признан выдающимся дурацким достижением советской инженерной мысли «объект ТГР» – транспорт газотурбинный разведывательный. Ну куда, действительно, засунуть броневик, который на полном ходу жрет как два вертолета, а на холостом – как один вертолет? Только в кунсткамеру.

Но если тебе надо, допустим, в Париж по делу срочно, тогда ты вешаешь на ТГР пару дополнительных баков, и по газам. Бить машину враги будут в лоб – в борт тебя на ходу не взять. Баррикады на твоём пути окажутся не крепче перевернутых грузовиков, только клочья от них полетят. Главное – надежная легенда, как у гонщиков-раллистов, иначе быстро не поедешь, у тебя ведь инерция что у парохода, все ускорения-торможения да вообще любые маневры надо рассчитывать с огромным запасом. А если штурман легенду читает, ты знай топчи педальку да легонько шевели баранкой.

ТГР наращивают броню, особенно на морде, нахлобучивают сверху башню с серьезным вооружением, получается тигра. Стремительная, красивая до изумления, страшная до ужаса машина о шести колесах, которые через тысячу километров развалятся, да и черт с ними.

А опыт танкового боя в городах мы накопили такой, что нас этим не испугаешь, наоборот, пускай горожане боятся тактического построения «елочка». Ради этой хитрой тактики мы в ТГР выпиливаем отсек десанта, уж какой можем: туда едва поместятся три американских пехотинца, но русских упакуем шестерых, злее будут, когда выскочат.

В экипаж тигры определяем пару лейтенантов, опытного сержанта – и вперед, на службу миру и прогрессу. Для начала десять особых бригад, потом больше. А чтобы войска были не на бумаге, как это у нас некрасиво перед войной получилось и чего мы больше не допустим, вы, товарищи офицеры, станете тренироваться – гонять по трассе. Зря их, что ли, немцы понастроили? На всякий случай прикрутим вам сирену – распугивать зазевавшихся бюргеров.

А кто не спрятался, мы не виноваты.

Вот и я, встречайте, гроза автобана, руссише вундерваффе. Лопаю двести литров горючки в час! Но как я еду, как я еду! Когда приловчишься да попривыкнешь, можно получить море удовольствия. Только не надо совсем уж класть стрелку, ибо, как гласит теория прикладного тигровождения... Ну вы помните.

Чего говоришь, Брунхильда? То есть Беттина, виноват. К тебе пойдем в общагу? Да, самое время. Их либе дих и все такое.

* * *

Которые сутки пылает Сорбонна, удрал в Баден-Баден отважный Де Голль... Прямо стихами заговорил. Это, наверное, от общей нервозности и удушливости обстановки. Не плачь по Васе, милая Бетти, достанут Васю из пруда без особого труда, и не таких доставали, чтобы жестоко вздрючить за нарушение порядка движения в колонне. Связи нет уже полчаса, и антенна утонула, и тока больше нет, хорошо, стрелки на часах светятся. Но знаем мы, что валят русские по Франции, на всю железку топят, занимают стратегически важные точки, а в арьергарде ползут тягачи, и один вроде бы направляется к нашему уютному болотцу. Это ничего, что вода уже в сапогах булькает, вопрос, не задохнемся ли. Троим бы воздуха хватило, а вот эти шестеро несчастных в «собачнике» здорово нас ущемили насчет кислорода. И когда настанет край, как бы не пришлось открывать люки да выныривать. А над люками у нас, извините, не вода. Давно уже серое нечто капает из триплекса и лезет снизу через сальники, ледяное, вообще в машине колотун сибирский – придонный ил нас засасывает,

и откуда его здесь столько? Видать, не в пруд рукотворный мы ухнули, а в мелкое озерцо. Лучше б я в собор Парижской Богоматери въехал... Эй, не вешать носа, бойцы!

Мы, воины-интернационалисты, спасители французской Пятой Республики от либеральной заразы, нам ли гикнуться где-то под Безансоном? Да ни в жизнь! Не вытащат, так вынырнем, не вынырнем, так взлетим, разве ж я не гожусь в космонавты? Веселей, ребята!

И все-таки, как ни люблю я тигру, как ни жалко будет с ней расстаться... Но когда выйду с гауптвахты, двину прямо к комбригу и скажу: делайте со мной что хотите, товарищ полковник, только я в эту вундервафлю больше не сяду.

Потому что с разгоном у нее хорошо и с холодным пуском отменно, но вот такая зверская отрицательная плавучесть – непорядок.

Пошлите меня лучше в космос. Там хотя бы сухо.

Олег Макаровский За царя и волю

Тяжелый четырехмоторный ИМ-VII казался грозной машиной любому, кто не знал, что собран он в основном из клееной фанеры. Пилоты немецких истребителей, похоже, знали это отлично, поэтому их ничуть не смутил огонь зенитных пулеметов «Илья Муромца Седьмого». Тут надо сказать, что истребители все-таки противника недооценили. Дюжина пулеметов – это дюжина пулеметов, особенно когда стрелки хорошие, и обломки двух «мессершмиттов» украсили собой малороссийский пейзаж еще до того, как простреленная вдоль и поперек туша ИМ тяжело упала в лес. Упала, но не взорвалась. Бомб на борту не было, а горячки оставалось – кот наплакал.

Огромный самолет, один из последних дальних бомбардировщиков, остававшихся у главковерха на киевском направлении, вез специального и полномочного представителя ставки генерала Деникина. Официально – дабы поддержать боевой дух окруженных войск, а на самом деле – для смещения с должности совсем зарвавшегося и, по слухам, расстрелявшего уже половину собственного штаба генерала Тухачевского. Собственно, даже в этом особого смысла теперь не было: при данных обстоятельствах никто бы не смог спасти положение, но Деникин был личным другом государя Алексея, и перечить ему не стали. Не пожалели даже последней «семерки».

Про себя Деникин думал: не пожалели потому, что уж очень хотели, чтобы «этот старый пердун» убрался со своими советами куда подальше...

Когда генерал открыл глаза, он увидел над собой качающуюся зеленую листву. Еще через некоторое время понял: его несут на носилках по лесу.

– Похоже, свои... – Это было последним, о чем он успел подумать, прежде чем снова потерял сознание.

Второй раз он очнулся уже на привале, у костра. Вокруг сидели солдаты и офицеры. Кое на ком из них была форма без погон и красные звезды вместо русских кокард. Увидев, что генерал приподнял голову, к нему подошел человек в кожаной куртке и фуражке с красной звездой.

– Георгий Жуков. Командир партизанского отряда имени товарища Троцкого.

«Значит, все-таки в плену», – понял Деникин. И сказал, собрав волю в кулак, чтобы голос не дрогнул:

– С предателями Отечества не здороваюсь.

Командир рассмеялся.

– Ага, ваши летчики тоже вон в позу встали. Один даже за наган хвататься попробовал, – Жуков указал на сидевшего с другой стороны костра офицера с перевязанной рукой. – Успокойтесь, вашбродь, мы с русскими не воюем. Даже наоборот. Наши с вашими договорились, царь амнистию всем выдал... РВС тоже директиву прислал: мол, за невозможностью сейчас заниматься пропагандой среди несознательного немецкого пролетариата, придется этих пролетариев пока пострелять малость, чтобы разум у них проснулся. А вы меня не помните, вашбродь?

Жуков широко улыбнулся. Деникин напрягся, пытаясь вспомнить, – но безрезультатно.

– Ясно, куда уж вам всех унтеров в памяти держать... А ведь вы меня от петли спасли: в 1918-м, в Москве... Сказали, что, поскольку это, дескать, был толковый унтер-офицер,

то вешать его не следует, лучше шомполами и в холодную, а там, глядишь, разум у него проснется, и Отечеству еще послужит. Если выживет, конечно...

Деникин снова напряг память – но и теперь не смог вспомнить Жукова. Хотя Москву 1918-го он помнил хорошо.

...В ноябре – декабре 1917-го Петербург стараниями Корнилова с Крымовым уже успокоился. Учредительное собрание, как и следовало ожидать, расклада февраля 1917-го не изменило – и Михаил Романов так и остался регентом при малолетнем царевиче Алексее. Николай Романов тогда уже давно жил в монастыре. Впрочем, вот об этом тогда еще никто толком не знал: царь ушел, никому, кроме семьи, не сказав куда, а семья хранила тайну. Весной министры Временного правительства разными путями пытались выведать его местонахождение, но не получилось. А армия только тумана подпускала: постоянно начинали курсировать слухи, что бывший император инкогнито посетил то гвардию, то крымских матросов, а то и Кронштадт...

Деникин точно знал, что никто и никого не посещал: генералы, сговорившись, сами организовывали эти «визиты инкогнито», чтобы поддержать моральный дух в войсках да и министров особо ретивых приструнить. Боялись министры, что этот «инкогнито» в любой момент может войти в Петербург во главе гвардии. Особенно тогда остерегались Синод обижать: даже когда восстановили патриархат и ставший патриархом митрополит Антоний объявил о разграничении власти церковной и государственной... Да, в ту пору даже это проглотили. Правда, потом еще было отступление на Украине, когда стоявшая без движения германская армия вдруг рванулась вперед двумя клиньями и окружила ту все еще неорганизованную массу, что некогда была армией российской. Фронт удалось стабилизировать только под Курском – и то, честно говоря, лишь потому, что на западе Германия уже проигрывала войну, а стало быть, все была готова отдать за перемирие на востоке, хоть и пыжилась, демонстрировала силу. Вот тогда, весной 1918-го, и вспыхнул мятеж московских полков, которые Ставка лихорадочно пыталась перебросить под Харьков. Им удалось захватить Кремль и держать его почти неделю, умело отражая все атаки. Применить артиллерию Деникину тогда патриарх благословления не дал (в тех обстоятельствах это означало – запретил), да и повесить разрешил потом лишь каждого десятого. Сам Деникин, несмотря на тяжелые потери и ненависть к предателям, тоже сумел опомниться, даже самолично спас нескольких молодых красных унтеров, попавших в виселичные десять процентов. Не хотелось губить военный талант людей, так толково организовавших оборону.

Выходит, и этот Жуков был среди них...

– Ну не узнали – и ладно. Мы вообще-то и потом виделись, но этого вы уж точно не припомните.

– Это где же? – Генерал потихоньку осваивался в новой обстановке.

– Да когда Перемышль брали, в сентябре 1939-го. Я тогда в саперной команде был. Мы как раз мост поставили, а вы, вашбродь, изволили на белом коне по нему торжественно: со свитой и с музыкой, значит! – Жуков снова заулыбался.

Перемышль Деникин помнил, как будто дело было вчера. Это были хорошие дни, таких в жизни старого генерала случалось не много.

...Тогда поляки дрогнули и все-таки пустили русские войска на свою территорию, почти не оказывая им сопротивления. А там и немцы, столкнувшись с новыми русскими танками, стали неожиданно быстро отступать. Перемышль взяли с ходу, захватив даже немецкий обоз. В городе устроили праздник. Даже облаканный властью Зворыкин приехал, чтобы транслировать картинки взятого Перемышля по своему радиовизору прямо во дворец.

Это потом уже узнали, что только нажим англичан заставил польское правительство перед самой эвакуацией открыть границу на востоке...

– А затем началась, как говорят наши западные союзники, «странная война»... – последние слова Деникин произнес вслух.

– У нас по-другому говорят, но это не для благородных ушей, – хмыкнул Жуков.

– Да? А я-то думал, что это господа большевики не хотели воевать с «братьями по классу»! – Генерал даже не пытался скрывать сарказм.

– Ну не без этого, конечно. Однако в 1939-м вы нас не сильно спрашивали... Или, скажете, не так?

– Если я не в плену, то прошу вернуть мне оружие, – Деникин не стал вступать в полемику с самозванным командиром каких-то там партизан. – Кроме того, я хочу видеть кого-нибудь из старших офицеров.

– Оружие – это всегда пожалуйста, – Жуков спокойно извлек непонятно откуда потерянный наган. Хитро подмигнул: – Вы уж извините, вашбродь, пока вас обыскивали, ваша драгоценная пистоля куда-то сама собой подевалась... А вот со старшими офицерами у нас напряженка. Был один, аж генерал от инфантерии, но он подговорил десяток ваших офицеров, и они с неделю назад слиняли из отряда. Так что не знаю, кого вам и предложить... Зато у нас есть батюшка – да не простой, целый архиерей! Подойдет?

Батюшка (его в отряде так и звали) действительно оказался архиереем, киевским митрополитом. Несколько следующих дней он провел рядом с носилками Деникина, отлучаясь лишь по богослужебным делам. Вначале Деникин все больше спрашивал его о положении на фронтах и ситуации в отряде, но потом перестал: информация с фронтов приходила самая противоречивая, тут не митрополиту было разобраться. Немецкие радиостанции в восторженных тонах говорили о еще июльском взятии Петербурга, более того: по их сообщениям, тогда же на пути в Москву был перехвачен царский поезд, а молодой царь попал в плен; русские же станции передавали, что Государь император Алексей III все еще пребывает в осажденном Петербурге, руководя героической обороной столицы, – и при этом выступает перед всей страной посредством радиовизора Зворыкина. Последнее проверке не поддавалось: этих самых радиовизоров в России и до войны-то было всего пара десятков, вдобавок работали они только возле транслирующих станций, коих имелось всего две: в Петербурге и Москве. Но Деникин знал, что в плен царя захватить никак не могли, равно как и не мог он руководить из Петербурга героической обороной по той простой причине, что в столице его давно не было. Ставка и царская семья еще в июне тайно эвакуировались в Москву. Однако если окруженный уже в конце июля Петербург действительно пал, то эта потеря должна была больно ударить по и без того беспокойной России...

Генерал украдкой оглядывался по сторонам, сжимая под плащ-палаткой револьвер. Он почти не сомневался: большевики, поняв, что у российской армии дела совсем плохи, вот-вот начнут снова, как в 1917-м, резать офицеров и сдавать города немцам. Однако обстановка в отряде была спокойная, и постепенно Деникин перестал жечь глазами каждого проходящего мимо солдата с красной звездой на фуражке. Так что каждодневные разговоры с батюшкой теперь в основном свелись к делам давно минувшим.

Батюшка как-то обмолвился, что его отец был лишен сана еще в начале февраля 1917-го: за дружество с Распутиным. Деникин о тех событиях и сам знал не понаслышке, так что вскоре сумел разговорить собеседника, даром что тот вначале не хотел вспоминать былое.

– Антоний-то – тогда еще митрополит, а не патриарх, – великим человеком он был. Родителя моего, конечно, расстриг он, может, и зря, только на все воля Божья, а вот за Россию и вправду болел душой. Я ведь знаю, как это было. Мал тогда был, но разговоры дома помню. Совсем думцы хотели Государя отстранить, чтобы раз! – и отрубить голову российской монархии. Не в сентябре, когда они республику провозгласили: тогда в феврале-то основные дела делались! Мало кто знает. А ведь стучал тогда Антоний кулаком по столу

в царевом кабинете и «гражданином Романовым» обзывал. Упрекал самодержца за то, что, помогая вырвать корни распутинщины в церкви, отказывается от помощи церкви в выдерании этих корней в Думе. И пал после слов этих обидных Николай на колени...

Архиерей на полуслове замолчал, сообразив, что сболтнул лишнее.

– Правда ваша, – кивнул Деникин. – Почти так дело и было. Помог ему тогда патриарх правильный акт об отречении написать, в пользу цесаревича Алексея, до совершеннолетия под охраной великого князя Михаила. И спрятаться в монастыре тоже помог. Вот только стоило ли стараться, раз с Михаилом у Антония сразу не заладилось?! Ясно же было, что тот не захочет послушаться воли брата, настоит, чтобы акт Николая стал законом только после Учредительного собрания. Тут уже и Антоний ничего не смог сделать, выторговал только две строчки в указе Михаила...

– Это вы о том, что вмешается Великий Князь, если жизнь цесаревича или сама церковь православная будут в смертельной опасности? Не так уж мало и выторговал! Церковь под охраной строчек этих свое слово сказала, поддержала народ и армию в трудную годину! А в сентябре, когда Временное правительство наплевало на царский указ и объявило Российскую Республику без всякого Учредительного собрания, помните, кто к солдатам пошел? Антоний лично тогда обошел десятки частей...

– Получил в конце концов пулю в легкое...

– А что ж, и получил. Да вот разве без этого ваши-то, Корнилов с Крымовым, взяли бы город почти без стрельбы?!

– Петербург они, конечно, взяли. А вот остальную Россию...

– А крестный ход к Великому Князю с депутатами Учредительного собрания? Ведь даже некоторые большевики пошли! И кто, скажете, Великого Князя все время поддерживал, чтобы он еще раз не отрекся, когда ему второй раз власть передали? Нет уж, и не спорьте, сын мой, Антоний действительно был святой, вот только пожил мало!

– Все мы там будем, святой отец. И, похоже, скоро...

Следующие две недели отряд с боями прорывался на восток. Жуков показал себя отличным командиром: операции ему удавались самые дерзкие, а с точки зрения Деникина – так и попросту невыполнимые. Похоже, отсутствие военного образования компенсировалось у бывшего унтера природной смекалкой и врожденным талантом. Пару раз Деникин даже поймал себя на мысли, что прикидывает, как бы по выходе из окружения оформить этого самородка (как его по имени-то – Георгий?) к себе в генштаб.

Отряд имени товарища Троцкого пополнялся окруженцами. Многие из них открыто носили красные звезды или ленты. Из радиосообщений Деникин знал, что теперь это не возбранялось даже в действующей российской армии. Передатчика в отряде не было, имелся только приемник, по которому Деникин как-то раз узнал о своей собственной судьбе: оказывается, он геройски погиб, команду обороной Киева.

Радио удавалось слушать вечером и ночью. А днем были леса, гул моторов и непрерывный лязг стальных гусениц. Это ползли непрерывной чередой немецкие танки. Тысячи и тысячи танков. Генерал давно уже бросил их считать.

Шагая вместе с солдатами, он вспоминал, как позапрошлой осенью расхваливал императорские бронесилы в «Петербургских ведомостях». И что самое обидное – ведь нигде не наврал! Действительно: и качественно, и количественно русские бронесилы превосходили Англию, основательницу танкового оружия, вместе с Францией, склонной считать, что у нее наиболее боеспособная армия в Европе, не говоря уже про всякие там Америки.

А Германия... Что Германия, если у немцев по договорам до 1935 года танков не было, да и не могло быть! Кто же будет равняться на проигравших?

Министерство обороны внимательно следило за развитием русского бронедела, защищая его от постоянных нападков «конных» генералов. Деникин, правда, тоже несколько раз указывал министру, что один танк стоит армии больше, чем сотня отличных кавалерийских скакунов, посему строить их надо осторожно, не нанося ущерба другим родам войск. Но деникинское «осторожно» не означало «мало», и тем более «плохо». Тяжелый «Святогор» по всем параметрам превосходил свои прототипы, выпускаемые французским «Рено», а средний «Цесаревич» в российских условиях эксплуатации уверенно побеждал английскую «Матильду», с которой он, собственно, и начался. А уж с «Алешей Поповичем», он же «Русский Кристи», американский «Кристи» и равняться не мог...

Генерала не раз попрекали тем, что его стараниями в конкурсах принимали участие не только крупные компании, но и всяческие Левши-индивидуалисты. Конечно, ничего годящегося для серийного выпуска они предложить не могли, зато не позволяли крупным заводчикам заламывать совсем уж астрономические цены. Деникин вдруг усмехнулся, вспомнив, как криво сваренный средний танк некоей артели Кошкина неожиданно победил по проходимости и бронепробиваемости последнюю модель «Цесаревича». Кошкина этого, конечно, тут же переманил к себе «Русский Рено» – и, похоже, зря: он ведь так и забросил свои странные идеи, полностью уйдя в работу по улучшению трансмиссии «Святогоров». Если бы денег этому Кошкину тогда найти, чтобы рекламу машине сделать, чиновников подмазать... Вот и с путиловскими танками не заладилось: всех подмял «Русский Кристи». Главное, «Кристи» этих у нас должно сейчас быть не менее двух тысяч штук (точнее, *должно было быть* столько еще в июне – поправил сам себя Деникин), а «Цесаревичей» с тысячу, да еще и «Святогоров» сотни четыре... И что же?!

«Поповичи», брошенные по причине поломок или подбитые, попадались партизанам довольно часто. А вот «Цесаревичей» они почти не видели, да и «Святогор» встретили всего один, поускай даже в окружении нескольких подбитых им немецких танков...

Постепенно Деникин привык к Жукову. Старого генерала даже перестало коробить, что бывший унтер в шутку называет его своим комиссаром. Прирожденному полководцу с природным даром командира и удивительным чутьем простится многое. Конечно, хорошей академии Георгию действительно не хватало, так что иногда Деникин вмешивался, когда тот допускал грубые тактические просчеты, но делать это приходилось все реже – командир учился быстро. Постепенно размер и успехи их подразделения стали так велики, что отрядом имени Троцкого немцы занялись всерьез...

Вечерело. Командир и его «комиссар» лежали рядом в вырытом наспех окопе. Впереди, на поле, темнели холмики тел солдат противника. Много холмиков. Пулеметчиком Жуков тоже был от Бога. Просто поразительно, как он совмещал в себе сразу столько воинских способностей.

– Все, отбой. Немец сегодня больше не полезет. – Георгий отвалился от пулемета. Деникин тут же принялся укладывать оставшиеся ленты в промасленный мешок. Людей в отряде – точнее в группе, уже пятый день прорывавшейся по болотам из устроенной немцами ловушки, – осталось семь человек. Большевиком из них был один Жуков. И он по-прежнему оставался для бойцов командиром.

– А ведь мы, вашбродь, про Польшу не договорили... – Георгий снова начал разговор «за политику», ловко имитируя манеру простого солдата, выходца из крестьян. Бойцы подобрались ближе, чтобы послушать ставший уже традиционным вечерний диспут. – Вот все-таки: почему тогда с немцем получилась не война, а...?! – Жуков, как всегда, назвал «странную войну» популярным в народе выражением. По уставшим лицам бойцов коротко скользнула улыбка.

– А ты помнишь 1914-й? – сухо ответил вопросом на вопрос Деникин. – Я вот – помню. И 1904-й с 1905-м тоже помню. Ты понимаешь, что бывает со страной, которая, неподготовленная, бросается в войну только для того, чтобы союзники не упрекнули в излишней медлительности?

– Ну и что бывает? Бросились бы, так ведь вместе с англичанами и французами: если не в 1938-м, то год спустя. Да от немцев бы через две недели ничего и не осталось!

– В 1938-м нас не пустили поляки. Что, надо было и шляхтичам тоже войну объявлять? А год спустя... В 1914-м тоже думали и что «через две недели», и что «вместе» – а оказалось четыре года и под конец все-таки врозь.

– Почему врозь? Войну же выиграли.

– Ну это смотря кто. Мы-то потеряли Финляндию, ту же Польшу и еще по мелочи. А вдобавок еще огромные долги...

– Ну так кто же вам виноват, вашбродь? Профукали Польшу...

– Да никто не виноват. Только вот ты про Польшу вспомнил, так в 1920-м я там с кем переговоры вел? С лордом Керзоном, который должен был бы, по союзническому долгу, помочь нам полякам хвосты накрутить. А он, наоборот, приехал с предложениями от Пилсудского – и на мой законный вопрос ответил, что у Англии постоянными бывают только интересы, но никак не союзники. Вот я ему эти слова и напомнил прошлым летом...

Деникин закрыл глаза, вспоминая, как играли желваки на красном лице Керзона. Еще одна жемчужина в коллекции хороших воспоминаний...

– То есть не пожелали вы лезть впереди англофранцузов?

– Да, не пожелали. И готовы не были, – генерал нехотя поднял веки. – Танковые заводы на Волге тогда еще только строились, пулеметов не хватало, фуража...

– Ну Перемышль же взяли как-то. Почему потом остановились?

– Мы...

– Ти-хо...

Жуков припал к прицелу. Всем остальным указания не требовались: бойцы, мгновенно рассредоточившись по огневым точкам, изготовились к стрельбе. На полминуты все замерло в напряженном ожидании, потом командир расслабился, махнул рукой: отбой тревоги, показало.

– Мы-то действительно остановились, – продолжил Деникин с полуслова, скорее для себя, чем для собеседника. – А французы – они не просто остановились, они сразу свернули кампанию и отошли за линию «Мажино»: воюйте, мол, с русскими, а мы тут подождем. Ну и англичане полякам в сентябре ничем, кроме обещаний, не помогли. Зато с подачи САСШ уже весь мир кричал, что Российская Империя – тюрьма народов, только-только из долгов вылезла, как снова Польшу захватила и на Финляндию уже зубы точит...

– Так, может, и надо было? На Финляндию-то? – Жуков любил вопросы с подковыркой.

Деникин снова смежил веки. На сей раз воспоминание было из числа худших: письмо фельдмаршала Маннергейма, то самое, предсмертное, отправленное сразу после того, как немцы перешли финские рубежи. Прежде чем пустить себе пулю в висок, Карл Густав счел необходимым письменно извиниться перед «старым другом по оружию Антоном Ивановичем» за то, что миновавшей зимой не согласился своей волей, вопреки распоряжению правительства, открыть границу для прохода русских дивизий.

Да, если бы финны не пропустили немцев сквозь свою территорию, Петербург бы наверняка удалось удержать...

– Наверно, надо, – устало согласился генерал. – Вот только не умеем мы, русские, против своих воевать. Даже когда они поляки или финны. Это вы, красные, наостриться успели...

– Ничего, вашбродь: и в Москве, и в ДВР вы нам показали, что тоже быстро учитесь, как бы не вперед нас. Но я все-таки о другом – о том, что поближе... – Георгий увел разговор со скользкой темы.

– А что – «поближе»? Мы свои обязательства по совместному плану действий тогда выполнили. Это союзнички ушли в кусты.

– Ну хорошо, допустим, выполнили. Но почему стояли в 1940-м, когда немец француза бил?

– Да не стояли мы, – Деникин так и не открывал глаз, – до Варшавы дошли.

– ...А вот дальше особо не спешили.

– Да зачем было спешить? Мы бы все успели в свое время, если бы англичане и французы снова на попятную не пошли. Мы же не собирались Берлин брать.

– Да ну? И почему же не собирались?

Коротко бахнул выстрел – откуда-то со стороны немцев, но дальний, видимо случайный. И снова все настороженно замерли. Нет, ничего: командир, как всегда, оказался прав – сегодня враг больше не полезет. А что стреляют, так на то и война.

Затишье. Но война.

Ветер пахнет гарью.

– ...Потому что по планам летних переговоров мы должны были освободить Болгарию, часть Румынии, всю Польшу и Чехословакию, но – не заходя на территории Австрии и Германии, – генерал произнес это, будто объясняя нечто самому себе и с самим же собой споря. – Причем Чехословакию потом должны были вернуть, а по Польше мы с англичанами тогда до конца так и не договорились... хотя в целом она скорее вся к нам отходила... Зоны оккупации, изволишь ли видеть... Поделили шкуру неубитого медведя... о-хот-нич-ки!

Деникин с явственным усилием заставил себя замолчать: как ни крути, получалось, что он сейчас выдавал случайному спутнику секретную информацию. Но так ли? Случаен ли спутник, да и есть ли сегодня особый смысл хранить секреты всей этой мышинной возни, казавшейся столь важной еще два года, даже год назад...

Чавк... Чавк...

Только грязь чавкает под тяжелыми сапогами, да изредка поскрипывают колеса пулеметного станка.

– Нет, но вот ответьте мне, вашбродь, – снова не выдерживает Георгий; да, собственно, что им и остается сейчас, между боями, как не эти разговоры, – Польшу же вы, лично вы, прямо скажем, из рук отпустили – как это иначе назвать... Ведь уже в Варшаве была конница! Я помню!..

Генерал тоже помнил. Помнил все: развалины сгоревшего Кракова, в котором нетронутым, казалось, сохранился только королевский замок... невообразимо чистый и опрятный смокинг лорда Керзона... и себя, усталого, пропахшего порохом (тогда все еще считалось *приличным*, даже почти обязательным приезжать к солдатам на передний край прямо под артподготовку)... Помнил жесткий приказ Колчака, помнил и секретную телеграмму великого князя Михаила, страшно боявшегося получить по наследству от брата титул «кровавый». Телеграмму, о которой лучше бы не вспоминать...

Тогда он действительно все взял на себя, закрывая собой регента, словно грудью амбразуру. Не он первый, не он последний. Вот и дозакрывались – что сейчас перед красным чуть ли не оправдываться приходится!

– Да, отпустил. Конница-то до Варшавы дошла – а обозы, а орудия? И... Ты помнишь, что *ваши* в тылу тогда вытворяли? Знаешь такого красного командира, Нестор Махно его звали, который похвалялся, будто для развлечения с двух рук срубает на скаку по четыре

головы сразу, причем только офицерские: нижними чинами, дескать, брезгует? Сам-то ты где был в 1920-м?

– Да там и был, – хмуро ответил Жуков. – Из Москвы тогда сбежал, да под Харьковом вновь забрили, хорошо хоть про Москву не прознали. Только мы сразу тогда объявили: «ни мира ни войны» – ну и...

– Разоружили вас казаки и по домам отпустили?

– Ага, «отпустили»! Батогов дали каждому: солдатам по двадцать пять, унтерам полсотни. А потом согнали на железку пути восстанавливать. Я и оттуда сбежал, через два дня всего... Но чтобы ваши так просто по домам отпускали – брехня это все.

– Вот. Ты, как я сейчас вижу, отличный командир, – но взял и сбежал. А меня упрекаешь, что Польшу сдали...

Георгий нашел бы, что ответить Деникину, однако не захотел лишний раз ранить старика. За время похода они не только свыклись друг с другом, но и прониклись уважением. Офицеров Жуков навидался достаточно, особенно за последние месяцы, но как привык к мысли о «чванливых золотопогонниках», так и не спешил с ней расставаться; а уж что царские генералы не способны ни на что, кроме парадов, он был уверен твердо. Теперь пришлось разувериться. Особенно Георгия поразила та сноровка, с которой его «комиссар» набивал пулеметные ленты.

Через полчаса Деникин нарушил затянувшееся молчание.

– Ты уж скажи мне, Георгий, раз разговор зашел: на что рассчитывали ваши красные в этой своей ДВР?

– Ну... Во-первых, это поддержка народом самого прогрессивного общественного строя. Во-вторых...

– Ты давай без агитации тут! – Деникин, сделав нарочито строгое лицо, чуть ли не прикрикнул на командира. – По делу говори. Сколько там было ваших? Под ружьем... ну, допустим, тысяч двадцать. Верно? А у нас тогда уже с беспорядками в армии покончили, с поляками замирились, чехов в Сибири приструнили, ханов всяких и гетманов почти повыбили. И имели мы тогда, чтобы не соврать, миллиона два штыков. Ну и зачем было своих губить?

– Товарищ Троцкий...

– Да погоди ты о своих покойниках! Зачем дрались, спрашиваю?

– Думали, удержим «линию Троцкого». Там же всего-то шесть верст между гор...

– А про пушки шестидюймовые вы там у себя в ДВР слышали? Про корабли Байкальской флотилии, про аэропланы? Про конницу Семенова в Монголии?

Георгий снова промолчал. Ну где было понять этому старому генералу, как могут сражаться пламенные борцы за рабочее дело. Борцы, которые никогда не отступают. Которые только погибают – не сойдя с места и забрав с собой на тот свет много, много врагов. Где ему понять, он же не был на *той стороне*... пять полос по три линии окопов, блиндажей и колючки... там, где он, Георгий, несколько раз контуженный (корабельные пушки били тяжелыми снарядами с железнодорожных платформ), вновь и вновь укладывал пулеметным огнем цепи солдат в серых армейских шинелях. И отбились бы тогда, если бы вдруг вместо солдат не полезли одни офицеры. Эти пулеметам не кланялись. Когда раскаленный ствол отказался стрелять, Георгий забрался под трупы. Ему тогда снова повезло...

К рассвету они вышли к развалинам стоявшего у дороги завода. Остатки кирпичной трубы, некогда высокой, а теперь разрушенной практически до основания, сразу привлекли внимание Деникина.

– Вот это позиция! Хороша...

Георгий с сомнением осмотрел трубу:

– Танк ее, пожалуй, не возьмет – если, конечно, внутрь снаряд не залетит. Но отступить будет некуда.

– Да уж куда мне отступить: все равно вот-вот свалюсь. Ты только пулемет оставь, а сам уводи людей дальше.

– Да из вас, вашбродь, стрелок сейчас, простите, как из говна пуля. Нет уж, будем помирать вместе. Драпать мне тоже что-то уже совсем надоело. Как раз место нашлось красивое, птички поют, трупы не воняют... Не то что тогда, на Байкале...

Через двадцать минут пулеметная позиция была готова, а еще через пару часов, как по заказу, на шоссе появились немцы. Сначала мотоциклисты, потом танки – и только через час показались грузовики. Но Деникин все медлил, с хищной улыбкой посматривая в бинокль. У Георгия занемели руки на пулемете. Он уже пожалел, что разрешил генералу командовать этим последним боем.

– Ну?! – спросил он в двадцатый раз.

– Да погоди ты! Не видишь, что ли: целая дивизия идет. Значит, будут и штабные машины.

– Ну и где же они, м-мать...

– Ага! Вот! Теперь давай патронов не жалея – вон по тем черным авто!

В следующие минуты думать было некогда. Георгий и вправду не жалел ни патронов, ни ствола, а генерал только успевал менять ленты.

– Ну все, командир, последняя...

– Молись, комиссар, вашбродь!

Именно в этот момент один из немецких танкистов наконец пристрелялся – и положил снаряд точно в середину остатков трубы...

Но наступающие уже были крепко научены осторожности. Поэтому вплотную к двум телам, засыпанным обломками кирпичей, они подобрались лишь четверть часа спустя.

– Ты смотри, еще один золотопогонник. И навешано на нем сколько... Дай-ка я срежу парочку. В Гамбурге за русский орден дают не менее двадцатки!

– Не думаю, что сегодня ты на таком ордене заработаешь более пяти марок. Предложение, знаешь ли, возросло...

Двое танкистов дружно рассмеялись – и продолжали зубоскалить, пока их не оборвал подошедший офицер. Он с недовольным видом обыскал трупы, забрав только документы.

– Герр майор, что вас так беспокоит? – рискнул спросить его ординарец (они были знакомы еще по австрийскому походу и иногда могли позволить себе такую роскошь, как откровенность). – Всего лишь еще два русских. Один, похоже, и вправду из генералов, а второй – тот, в кожанке, – наверно, его шофер.

– Нет, Ганс, не все так просто. Во-первых, это, судя по всему, не просто генерал, а генерал генштаба. Что нас должно только радовать. Но второй, рядом с ним, – не адъютант и не шофер. Это красный командир из числа тех, кого наши умники называют «комиссарами», всех скопом. Причем именно он был за пулеметом.

– Ну, должно быть, генерал был совсем слепой, раз он этого не заметил. Да, наверно, так и есть: видите, какой он старый?

– Возможно, Ганс. Просто я подумал, что если царские генералы начнут воевать вместе с красными комиссарами – то этот «колосс на глиняных ногах» еще не скоро развалится...

– Да не успеют они, герр майор! Мы ведь уже их всех... – И Ганс улыбнулся широкой баварской улыбкой, радуясь, что смог разрешить проблему беспокойства своего любимого командира.

– Пожалуй, ты прав, Ганс, – голос майора, однако, все еще был невесел. – Теперь уже ничего не изменить. По машинам!

Вскоре колонна танков поползла дальше на восток...

Михаил Логинов Метель свободы

I. В степи за Волгой

– Герр Келлер, отметьте шутку фортуны. Еще позавчера мы боялись встретить русских, а сегодня, пожалуй, и не отказались бы.

Майор 305-й пехотной дивизии Дитрих Келлер как всегда ответил не сразу. Казалось, он не хотел лишний раз открыть рот – берег от летящего в лицо снега.

– Вы уверены, что позавчера?

– Я, герр Келлер, – ответил майор 100-й горнострелковой дивизии Йозеф Вранке, – уже не уверен ни в чем. Чтобы быть уверенным, надо знать. А что мы знаем? Только то, что нас четверо, у нас два автомата, винтовка, четыре пистолета, семь гранат, двести семьдесят патронов и одна банка сардин. Еще известно, что мы по-прежнему на левом берегу Волги, хотя в такую метель я бы не удивился, если бы мы нечаянно перешли на западный берег. Но мы точно не знаем, сколько проехали, сколько прошли и, главное, в какую сторону. На восток, на юг, на север?

Низкорослый крепыш майор Вранке говорил не переставая. Еще недавно болтовня баварца утомляла, но сейчас она стала то ли подобием музыки из репродуктора, не дающей заснуть на унылой работе, то ли доброй приметой путешествия. Как замолкнет герр Вранке, так все и свалится в снег. И не встанут.

– Быть может, мы вернемся в Сталинград, а может, выйдем к Саратову. Или дойдем до города с приятным названием – Оренбург. Герр Вернер, ответьте как знаток России, – много ли немцев живет в Оренбурге? Мы сможем найти их квартиры раньше, чем нас найдет НКВД?

– Я думаю, сейчас единственный немец в этом городе – его название, – ответил Вернер.

Немногословностью лейтенант 305-й пехотной дивизии Юлиус Вернер был равен четвертому участнику путешествия – унтеру Шмидту. На это была своя причина. Дело не в субординации – к середине января в сталинградском котле субординация обесценилась. И не в том, что оба майора – коротышка Вранке и долговязый Келлер – выпускники Гросс-Лихтерфельде, а Вернер, не случись большой войны, для которой всегда не хватает офицеров, вряд ли бы вообще надел мундир.

Юлиус Вернер был «мартовским павшим». Людей с такой биографией обычно не любят. Если терпят, то из-за особо ценных качеств.

* * *

– Папа, король склонился перед ними потому, что они погибли за Германию?

– Нет, – отвечал отец, пожилой переплетчик с солидным социал-демократическим стажем, включая тюремный, – это мартовские герои. Видишь, на другой картинке они сражаются на баррикаде с королевскими солдатами. Они пали, сражаясь за народ, и королю пришлось обвязать рукав черно-красно-желтой лентой и склонить голову перед ними.

Из всех картинок, виденных в детстве, Юлиусу запомнилась именно эта. Не большие батальные полотна. Не гравюры Менцеля, на которых Старый Фриц – Фридрих Великий, едет по улицам Берлина под восторженные крики толпы. А рисунок забытого художника о

том, как струсивший правнук великого короля в марте 1848 года чтит память бойцов революции.

Юлиус почти не горевал, что школьный возраст сохранил его от фронта Мировой войны. Зато нацепил красный бант в ноябре 18-го и, узнав, что кайзер сбежал в Голландию, вопил от радости громче, чем бюргеры в начале войны, узнав о падении Льежа и разгроме русских под Танненбергом.

Юлиус даже примкнул к спартаковцам, защищал баррикаду и чуть не стал «январским павшим», но отделался контузией.

Германская революция проиграла. Поэтому Юлиус изучал революцию в России. Чтобы понять ее, требовалось выучить русский язык. Найти учителей не составило труда: домой вернулись пленные Восточного фронта. Вдобавок Вернер читал словари, потом – русские книги. Найти работу после университета было непросто, и он иногда подрабатывал переводчиком – Веймарская республика и Советская Россия активно торговали.

Однажды у Юлиуса вышел спор с временным работодателем, членом «Стального шлема».

– Увлечешься большевистским режимом способен лишь юнец, не знающий элементарных фактов, – говорил бывший офицер. – Что такое русская революция? Немного денег нашего генштаба и много еврейской энергии. Восточный славянин – вьючное животное, и ждать от него революции без внешнего толчка все равно, что верить, будто карусельная лошадка может взбрыкнуть.

Вернер возразил – у русских в истории было много бунтов и крестьянских войн, может, даже больше, чем у немцев. К примеру, в те годы, когда крестьяне германских княжеств покорно терпели любые феодальные притеснения, русские мужики устроили «Rugahowschina» и захватили треть страны, пока бунт не подавили генералы, воевавшие еще против Фридриха Великого.

Собеседник спросил – не коммунист ли он? И Юлиус растерялся.

Ведь в коммунистическую партию он так и не вступил. Ему нравилась революция и справедливость. Но с каждым годом, прожитым в Веймарской республике, среди джаза и универсальных магазинов, среди безработицы и бесконечных репараций за проигранную войну все труднее было принять лозунг: «Пролетарии не имеют отечества».

Не радовали Вернера и вести из Советской России. Там исчезли все партии, кроме одной, а также профсоюзы. Городам дали новые имена, отменили привычные дни недели. Горожанам запрещали торговать. Преследовали церковь, забыв слова Энгельса, что религия в новом обществе умрет сама. Крестьян насильно сгоняли в коммуны, не дожидаясь, пока они войдут туда добровольно. А германские коммунисты считали это примером!

«Почему ради справедливости и свободы надо отречься от своей нации? – думал Вернер.

Друзья посмеивались над Юлиусом, говорили, что с такими убеждениями ему пора вступать в НСДАП. Вернер отвечал, что сама идея консервативной революции ему нравится, но нацисты – наемные реакционеры на службе крупного капитала, громилы, а каждый второй – гангстер.

Все равно, когда по улицам шла колонна под красными флагами, била в пустые кастрюли и уныло бубнила «голод, голод», Юлиус отворачивался. Когда же над улицей под барабанный бой плыли нацистские знамена, его губы шептали: «Германия, Германия».

И однажды, в дождливый день ранней весной 1933 года, он пошел за этой колонной – не может же быть неправ весь народ. Кулак сам сложился в приветствие. И его крик присоединился к всеобщему реву. А потом, на огромной площади, рядом со студентами-нацистами кидал в огромный костер книги, «разлагающие нацию».

Таких, как Юлиус Вернер, вступивших в НДСАП в марте 1933 года, оказалось немало. Кличку для них подсказала история: «мартовские павшие».

* * *

Операцию задумал Дитрих Келлер, когда Гумрак – последний аэродром сталинградского котла, разнесла советская артиллерия. К середине января на деблокаду уже не надеялись даже раненые в бреду. Кто-то ждал русской пули, кто-то – русского плена. Майор Келлер нашел тех, кто верил в третий вариант. Ими оказались майор Вранке и унтер Шмидт его полка, сохранившие и физическую силу, и небольшой запас продуктов, без которых отправляться в путь нельзя.

Что же задумал Келлер? Прорываться на запад, в сторону отступивших дивизий Манштейна, было бессмысленно: там русские всегда начеку. Но можно, переодевшись в советский белый камуфляж, перейти ночью Волгу на лыжах. Найти на восточном берегу грузовик. Отъехать подальше от линии фронта, пополниться бензином и едой, повернуть на северо-запад и переехать Волгу там, где не ищут сталинградских беглецов.

Вранке идею одобрил. Но заметил – нужен четвертый, знающий русский язык. Келлер пригласил в побег лейтенанта Юлиуса Вернера, и тот согласился.

Поначалу шло неплохо. В облачную ночь перешли Волгу, миновав заградотряд. В двух километрах от восточного берега захватили грузовик с одиноким шофером. А так как порожняя машина со снаряжными ящиками, идущая в тыл, подозрений не вызывает, полдня спокойно удалялись от затихающих раскатов.

Потом, выехав на очередной низкий пригорок, Келлер высмотрел в бинокль русский пост, остановивший предыдущий грузовик. Решили объехать проблему: благо ветер обмел, склон и машина шла по снегу почти как по дороге.

Но объезд затянулся. Балка, еще одна балка. Следующий заполненный снегом овраг не заметили, и грузовик утонул в снегу по борт, без всякой надежды быть вытащенным. Надели лыжи, сохраненные в кузове, распределили груз – оружие, еду. И потащились туда, где, по предположениям майора Келлера, был север.

...Снег пошел часа через два. Потом началась метель. Не свирепый и скоротечный буран, а умеренная свистопляска острых снежинок. Только вот конца не было этой свистопляске. Даже когда ветер чуть стихал, небо не открывало ни солнца, ни луны, ни звезд. И прав был болтун Вранке – уже скоро стало непонятно и куда идут, и сколько идут.

Вдобавок – неприятное происшествие. Келлер и Шмидт провалились в очередную заснеженную балку. Ноги уцелели, но майор сломал лыжу, а из плохо закрытого ранца Шмидта выпали почти все консервы. Искали полтора часа, подобрали одну банку и продолжили путь.

Груза стало меньше, на душе – тяжелее. То ли метель, то ли снегопад, а скорее всего – все вместе, работали лучше любой дымовой завесы. Не было видно и за десять шагов. Свистящее белое месиво иногда белело – настало утро, потом темнело.

Наконец, на миг вернулась надежда. Торивший путь Келлер уткнулся в деревянный столб. Удалось разглядеть провода. Значит, они все же не кружили, а где-то было человеческое жилье и шанс до него дойти.

* * *

– Герр Келлер, я уверен в том, что фюрер не повторит ошибку генштаба. Мы вернемся к Сталинграду в середине весны и возьмем еще летом.

– Герр Вранке, я тоже уверен, что эта ошибка не повторится. Уже летом мы будем думать, как удержать Днепр, а не вернуться на Волгу.

– Меньше пессимизма, друг. Ведь мы отдали им Ростов, а потом взяли обратно и прошли еще сто пятьдесят километров на восток.

Они остановились у десятого столба – как считал Келлер, линия вела на север. Приесли-прилегли отдохнуть, укрывшись от колючего ветра невысоким снежным валом и воротниками шинелей. Согревались лишь папиросами – в маленькой спиртовке закончилось горючее. От собственной безрадостной судьбы отвлекал спор о судьбе фатерланда.

– Герр Вранке, – после некоторой паузы, с раздражением сказал Келлер, – лояльность фюреру не должна переходить в войну с фактами. Факты печальны. На наш один танк русские выпускают два – неужели вы это не поняли в прошлом ноябре, когда на наш батальон пришлось одна красная броневая дивизия?

– Мы умеем их подбивать...

– Оставьте, герр Вранке. Наши лучшие истребители танков погибли в котле. Враг учится воевать, а мы теряем кадровые войска. К тому же мы не можем бомбить танковые заводы на Урале, а англичане бомбят весь Рейх. Вы знаете, что Кельн и Любек разрушены?

Герр Вранке буркнул: «Слышал». Унтер Шмидт вздохнул – он был из Любека.

– А я знаю – я был в отпуске в сентябре. И самое плохое, у врага полное превосходство на западном воздушном фронте. Когда западный фронт станет наземным, у них будет тотальное превосходство в небе. И если не произойдет чудо, остается гадать, кто первый подойдет к Берлину – русские или англичане. Не думаю, что фюрер запросит мир раньше этого.

– Вы оптимист, – бросил молчавший Вернер. – Думаю, нас могло бы спасти только чудо Петра III.

Вранке удивленно взглянул на него. Келлер понимающе кивнул.

– Русский царь, наследник царицы Елизаветы, прекративший войну с Фридрихом, – пояснил Вернер. – С доски сошла сама сильная фигура.

– В галантном веке было проще, – вздохнул Келлер. – Нынешний царь – идеология. Господа, еще светло. Продолжим путь.

Вранке промолчал, только скосил взгляд на ранец Шмидта, где среди обоем болталась банка сардин. Рыбешек поймали в Бискайском заливе, поджарили в оливковом масле, закрыли в жестянках. Пустили странствовать по европейской колее, потом по русской. Выгрузили на берегу Дона, сбросили на парашюте рядом с развалинами сталинградского элеватора. Теперь сардины не знали, где они: в Европе или в Азии?

Дитрих Келлер покачал головой – «побережем». Вернер и Шмидт согласно кивнули. Страшно идти, когда припасы съедены до конца.

Еще несколько секунд – и метель принялась заносить четыре впадины возле столба и три окурка – Вранке, по охотничьей привычке, ввинтил окурочек в сугроб.

* * *

– Герр Келлер, вы видите провода?

– Нет.

Приходилось кричать. С наступлением сумерек снегопад усилился и перешел в снежную бурю. Ветер уже не выл, а ревел, трудно было разглядеть не провода, а друг друга. Нашлась веревка, и все четверо, ухватившись, брели спотыкающейся вереницей.

То и дело казалось, сбились с пути. Но в очередной раз впереди вырос столб. Не просто впереди – на дистанции вытянутой руки.

Снова лечь рядом со столбом не хотелось. Все четверо понимали – тогда уже не встать. И кто сказал, что буран будет короче прежней метели?

А потом и сам буран показался штилем. Рев стал плотным, как ветер. Ветер – как стена. Стена толкала, несла вперед. Ни рта открыть, ни рукой пошевелить. Казалось, сама Земля кружилась быстрее, чем положено. Или не казалось.

Вернер понял – его несет на очередной столб. Избежать удара не проще, чем если бы вышвырнули с борта самолета.

Но ветер подул сильнее, хотя, казалось бы, куда еще? И столб, возникший перед лицом Юлиуса, не убил его, но растаял. Как льдинка, брошенная в чан с кипятком.

Рядом летел майор Вранке. Рот раскрыт, но вряд ли он слышал себя самого.

И вдруг ветер пропал. Будто выключили.

На такой скорости можно уцелеть, лишь упав в глубокий сугроб. С Юлиусом Вернером так и случилось. Рядом упал Вранке, потом еще кто-то...

* * *

– Герр Келлер, вы живы?

– В какой-то степени – да.

С Вернером было понятно, он поднялся раньше всех и глядел по сторонам. Унтер Шмидт тоже уцелел и, согнувшись, изучал содержимое ранца: не пропало ли что-нибудь еще?

А Вернер продолжал разглядывать окрестности. Потом произнес.

– Господа, вы заметили, что столбы исчезли?

Наблюдать было нетрудно. Ветер стих до легкого шуршания. Ночное небо еще не прояснилось, но в разрывах облаков мелькали звезды. Все равно столбы не просматривались.

– Куда же делся ориентир? – бормотал герр Вранке. – Майн Готт!

Все четверо беглецов из котла были оглушены невиданным полетом, завершившимся минуту назад. Иначе их острый солдатский слух разобрал бы звуки, которые еще недавно, в окопах, заставили бы их мгновенно схватить оружие.

А так все случилось разом. Грянуло взрывное конское ржание, в почти полной тьме появился десяток верховых фигур, и они были уже рядом.

Майор Вранке встрепенулся едва ли не раньше всех. Он сорвал с плеч шмайссер, прицелился, но палец в толстой варежке не сразу нашел предохранитель. Когда же нашел, то ближайший кавалерист уже сделал выводы – без драки не обойдется.

Вранке не понял, что такое противник метнул в его сторону. Только шею, прикрытую шарфом, будто сжали пальцы великана. И пистолет-пулемет шмякнулся в снег, за ним повалился сам Вранке.

Задыхаясь, он все же разглядел происходящее с товарищами. Келлер снял с плеча винтовку, ближайший кавалерист прищипил коня и наскоком сбил майора в сугроб. Шмидт, заметивший опасность, сунул руку в ранец, верно искал гранату. Другой всадник – Вранке разглядел его черную бороду – одним скоком добрался до него. Выставил длинную пику, желая сколоть. Но переменил решение и ударил древком – унтер свалился.

Юлиус Вернер просто поднял руки.

* * *

– Чего с ними возжаться? Расспросить, зарезать да обобрать барахлишко.

– Тоже скажешь, расспросить. Они и по-своему сейчас мемекать не могут. Не то чтобы по-людски.

- Немчура это. Вот те крест, немчура.
- Тогда зарезать. Немцы – всегда православному народу первые согрубители.
- погоди. Пусть сперва расскажут, как они из своих пистолей стреляют.
- Не, для пистоля коротковато будет. Ружжо.
- Ружжо – то, с чего этот журавль в нас пулять хотел. И то, замок у него непонятный, и киса странная прицеплена. То ли для равновеса, то ли пули в ней хранить.
- Эй, молодцы, сажай их в сани. Только пистолы отдельно клади. В Берде разберемся, резать али к звездам подтянуть.

* * *

– Это конные саперы с противотанковыми ружьями? – тихо спросил унтер Шмидт. Все три офицера были в сознании, поэтому вопрос относился к каждому из них.

– Нет, – так же шепотом ответил Келлер. Он лежал рядом с унтером и видел то, что и он: огромное ружье на боку всадника, едущего справа от саней. – Противотанковые ружья не выпускают с кремневым затвором. Думаю, от таких мушкетов отказались уже во времена Наполеоновских войн.

– Мне не стоило шутить, – прошептал Вранке, трогая горло. – Я не раз говорил, что такой вихрь может занести хоть на край света. Похоже, он занес нас на страницы романа Карла Мая или Майн Рида: нас взяли в плен конные варвары с копьями и арканами.

– Это другой роман, – отозвался Вернер. – Скорее – роман Джованьоли о Спартаке.

– Почему вы так думаете? – спросил Келлер.

– Потому что, когда нас сажали в сани, я успел перекинуться парой слов с этими ребятами. И чтобы им не пришлось в голову зарезать нас без расспросов, признал законной власть царя Петра Федоровича.

* * *

– ...После этого война превратилась в длительный кавалерийский рейд. Пугачев (это слово Вернер произнес тише других) захватывал маленькие города, пополнял запасы пороха и свинца, вешал местную администрацию, а крестьяне в радиусе ста верст поступали точно так же со всеми пойманными феодалами. После этого приходили правительственные войска – и крестьянский царь скакал дальше. Осенью 1774 года он проиграл гонку, был окончательно разбит и выдан беспринципным окружением. Как и положено, эшафот в Москве был сооружен не только для него, но и для менее сообразительных или более совестливых приверженцев.

– И каков был результат этой жакерии? – спросил герр Келлер.

– Крестьянам стало жить хуже. Екатерина правила чуть осмотрительней. В лексике российских интеллектуалов появился термин «пугачевщина».

– Но, как я понял, этот буран занес нас в более раннюю фазу восстания, когда Пугачев еще имел подобие регулярной армии.

– Герр Вранке, мы все обязаны забыть слово «Пугачев». Произносить его сейчас вслух не лучше, чем в компании офицеров СС назвать фюрера «импотентом». Он царь, по имени Петр Федорович. В остальном вы правы. Судя по подслушанным репликам, повстанцы одержали первые победы, они осаждают города и рассылают отряды фуражиров. Недаром наши соседи – мерзлые свиньи и бараньи туши.

– У нас все шансы добраться в пункт назначения в том же виде, – проворчал Вранке.

Чуть погодя – вспоминал книжные фразы – Вернер обратился к ближайшему казаку:

– Скажи-ка, дядя, как вашего атамана звать по имени, по отчеству?

– Степан Иваныч. А што?

– Пусть он сюда подъехать. Я должен говорить.

Казак ругнулся, но устремился вперед. Через пару минут подъехал атаман – верзила, в высокой шапке, поверх которой была треуголка.

– Скажи, Степан Иваныч, ты решил нас к царю-батушке везти?

– Ага.

– Тогда ты сам думай, нужны царю льдышки – или мы живые нужны? Тогда пусть нас согреют.

Атаман выругался, как и казак, но отдал приказание. Немного погодя в сани бросили какие-то овчины, верно конфискованные там же, где и припасы, а также мерзлый каравай. Подумав, атаман протянул большую баклажку. Водка оказалась резкой, но слабее привычной.

– Русские без комиссаров мне нравятся больше, – проговорил Вранке, передавая бутылку Келлеру.

* * *

Водка и оттаявший во рту хлеб клонили в сон. Два майора и унтер задремали. Сквозь сон они слышали, как Вернер пытается петь с казаками песни и даже учит их какой-то еще не написанной в те времена.

Проснулись от криков и факельного света. Отряд явно прибыл к месту назначения: всюду были избы, шатры, телеги. Среди прочего немцы обратили особое внимание на виселицу. Петля не пустовала.

Впрочем, подъехали не к ней, а к самой крупной избе.

– Господа, настала минута морального выбора, – сказал Келлер. – Мы, безусловно, будем признаны солдатами, а значит, единственная альтернатива петле – военная присяга царю мужиков с обязательством служить.

– Мы присягали фюреру, – ответил Вранке.

– Но можно ли изменить тому, кто еще не родился? – спросил Вернер.

– Если мы будем служить этим казакам, – сказал Шмидт, кажется впервые взявший слово в компании офицеров, – они научатся использовать автоматическое нарезное оружие и разгромят Германию.

– Этого нужно бояться в последнюю очередь, – усмехнулся Келлер. – Даже магазинная винтовка появилась благодаря целому комплексу технологических условий: стальному прокату, станкам... химии, которая дала капсули... Если представить, что в восемнадцатом веке пистолет-пулемет или хотя бы пистолет попадет в руки даже не степного варвара, а инженера-механика в столице, – он отстреляет имеющиеся пули, попытается воспроизвести оружие и, ничего не добившись, отправит его в коллекцию диковинок.

– Есть ли смысл спорить, – сказал Вернер, – ведь наше оружие уже у них в руках.

– Оружие, но не навык, – возразил Вранке. – А насчет изготовления...

Сани остановились, разговор прервался.

– Вылезайте, ребяташки, – распорядился атаман. – А ты, Юлий Петрович, смотри, прихвати царю верой-правдой. Если ты повесят, я песню про персидскую княжну не zapomню.

Офицеры вылезли из-под нагретых овчин и, ежась, направились к крыльцу.

Сперва их провели в большие, более-менее теплые сени, полные всякого народа, трезвого и пьяного. Кроме казаков, были башкиры, кто в халатах, кто-то в кольчугах. Сквозь сивушный туман раздались голоса:

– Что за пташки? Немчура?

– Ахвицеры? Попили небось солдатской кровушки.

– Пусть царю послужат. Петру Федоровичу и башкиры служат, и калмыки, и прочие татары. И немцы должны.

Из царской горницы вышел знакомый атаман Степан Иваныч.

– Ну, ребяташки, проходите. От порога поклониться царю не забудьте. Не дерзите, не робейте. Может, в сотники вас, может, на глаголице болтаться.

Однако до царского порога немцы не дошли. Дверь в избу распахнулась, ворвался заснеженный парень и заорал с порога:

– С Урала вести! Ванька Грязнов заводы взял. Златоуст, Кыштым, Каслин – все наше! Начальство повешено, фабричный народ теперь кто для нас пушки льет, кто в пехоту пошел. Скоро весь Урал скрутим!

Раздался общий заздравный рев.

– Подождем с немцами, – распорядился атаман. – Пусть сперва весть царю принесут.

Гонец скрылся в царской горнице. Оттуда тоже раздались радостные крики.

Юлиус Вернер стоял у стены, будто что-то вспоминая. Потом негромко запел:

Заводы, вставайте!
Шеренги смыкайте,
На битву шагайте, шагайте, шагайте!

– Ишь ты, немец, ладно придумал, – хохотнул стоящий рядом мужик с опаленной бородой, верно уральский рабочий. И сам подпел незнакомую песню.

– Герр Вернер, если в программе победителей предусмотрен банкет, то нам было бы неплохо в нем поучаствовать, – заметил майор Вранке.

* * *

– Господа, будьте осторожны с бараниной. Если набить жирным мясом пустой желудок, то природа позовет во двор во время царского приема.

Мудрость совета майора Келлера была подпорчена тем, чем он произнес ее с набитым ртом. На царский пир немцев не позвали, но нашли для них отдельный закуток, куда принесли таз, полный жареного мяса, и миску квашеной капусты. Одни куски подгорели, другие не пропеклись, но все равно были самым вкусным блюдом в жизни.

– Возвращаюсь к разговору, – майор Вранке покосился, но потом облизал пальцы и довытер о мундир. – Может быть, нам оговорить условия сотрудничества? Мы готовы делать все, кроме того, что вредит Германии, и не будем убивать немцев.

– Объяснить, что такое Германия, в восемнадцатом веке будет непросто – и не только мужицкому царю, – возразил Келлер. – Сложно и с обязательством не убивать немцев. Его не принял бы ни один офицер Фридриха Великого – вспомните Лейтен, Колин и Лигнице. Давайте упростим вопрос. Что объективно выгодно Рейху – победа или поражение Пу... Петра Федоровича? Герр Вернер, вы здесь единственный консультант по русским революциям. Ответьте – и мы примем решение.

– Вообще-то, – тихо сказал Юлиус, – если бы мы хотели прекратить эту войну прямо сейчас, то это нетрудно. Я сохранил свой «вальтер», вы, наверное, тоже. Мы могли бы застрелить царя, пробиться к своим автоматам – и, если повезет, даже продолжить путешествие по степи. Но что бы это дало? Не нам, а будущему Рейху. Для Российской империи эта крестьянская война имела сугубо педагогический эффект, не больше. Зато если бы крестьянский царь победил... Хотя бы благодаря нам...

– Герр Вернер, это невозможно, – возразил Вранке. – Не забывают, у нас только двести семьдесят патронов и семь гранат. Да, автоматическим огнем можно рассеять два или три

каре, отбить кавалерийскую контратаку. Гранаты пригодятся для штурма стен средневековой фортификации. Но эта одна взятая крепость и одна выигранная битва. Для победы в войне недостаточно. Кстати, в 1870 году французская винтовка Шаспо была лучше нашего Дрейзе, но это не спасло лягушатников.

– Не забывайте, герр Вранке, нам предстоит гражданская война. А у нее другие правила и законы. У марксиста Франца Меринга есть пособие по тактике уличного боя. Один из рецептов таков: женщины целуют солдат, мужчины стреляют в офицеров. Задача – не разгромить врага, а перетянуть на свою сторону. Кстати, и в этой войне Пугачев примерно так же побеждал окраинные гарнизонные команды, пока не столкнулся с кадровой армией.

– И как вы намерены применить марксистские наработки на степных холмах? – недоверчиво спросил Вранке.

– Очень просто. Мы находимся со своим оружием в цепи застрельщиков. Заметьте, даже наши пистолеты-пулеметы стреляют гораздо дальше тогдашнего... *тепереишего* гладкоствольного оружия. А винтовка способна подавить несколько артиллерийских батарей – достаточно расстреливать хотя бы наводчиков. Но, наверно, даже до этого не дойдет. Достаточно убивать офицеров.

– Не совсем по-рыцарски, – пробормотал майор Келлер.

– Простите, а что, в августе четырнадцатого года на французском и русском фронте нашей пехоте приказывали в первую очередь выбивать рядовых? – живо возразил Вернер.

Келлер надулся, будто хотел сообщить, что именно его, Вернера, тогда на фронте не было. Но спорить с фактом не стал.

– Итак, мы с безопасного расстояния убиваем командующих боевого порядка, развернутого против нас. Потом убиваем всех, кто берет командование на себя. Инициативных офицеров всегда немного, особенно в русской армии. И когда в полках императрицы уже некому командовать, к солдатам подходят женщины с водкой, казачьи атаманы, может, даже мятежные попы. Они объясняют солдатам, что единственный законный царь – Петр III. Попы могут добавить что-нибудь про небесную кару, постигшую офицеров. Между тем наша цепочка приближается – и когда прискачет командующий, мы ликвидируем и его. На каком-то этапе оставшиеся офицеры просто спасаются бегством. Итог: на сражение потрачено тридцать – сорок патронов, а мы не просто победили неприятеля, но привели к присяге всю вражескую армию.

– К повторяющейся тактике противник привыкает, – с недоверчивым интересом заметил Келлер.

– А мы не позволим к ней привыкнуть! Если мы согласимся предоставить свои услуги Петру Федоровичу, а он их примет, то придется как можно скорее стать лучшими военными консультантами. Для этого возьмем Оренбург – с гранатами и пистолетами нетрудно захватить сектор вала и удержать до подхода штурмовой колонны. После этого мы обещаем царю новые победы, если он примет нашу тактику. Придется реорганизовать армию: создать регулярное интендантство и подобие военной полиции – мародерство может погубить наилучшую тактику. В интенданты можно взять немцев из менонитов – их поселки относительно недалеко.

– Не забывайте, солдаты останутся русскими, – заметил Вранке.

– Герр Вранке, неужели в вашем полку не было хиви? Если русских хорошо кормить и четко объяснять, что от них требуется, это очень дисциплинированные солдаты. К тому же, где гражданская война – там идеология. Создадим подобие института комиссаров. Пусть объясняют, что слуга Спасшегося Царя не должен обижать население любых классов и сословий.

– Ладно, идеология – ваше дело, – хмыкнул майор Вранке. – Предположим, в захваченном Оренбурге сформирована дисциплинированная и мобильная армия. Дальше?

– Еще до весны – рейд в центр России. Несколько полевых побед и, как полагается на гражданской войне, эффект домино. Сначала отдельные солдаты убегают из полков. Потом к нам переходят целые подразделения и гарнизоны. Города сдаются без осад, наместники провинций вступают в переговоры. Нельзя забывать: на раннем этапе восстания Петр Федорович еще не включил в свою программу тотальную ликвидацию дворянства, поэтому поле для маневра остается у обеих сторон. Настает момент, когда зачаточная буржуазия, духовенство и даже аристократия приходят к выводу, что договоренность лучше сопротивления. Царица Екатерина заключена в тюрьму или становится постоянной гостьей Фридриха Великого, а донской казак, – Вернер понизил голос, – садится на трон. А дальше – два варианта. Вы догадываетесь какие?

– Я не люблю политику, но постараюсь догадаться, – в голосе Келлера появился энтузиазм. – Подобно Троцкому новый царь распускает армию и вообще отменяет государство, чтобы удовлетворить своих приверженцев. Но настоящая анархия бывает лишь в брошюрах. Россия распадается на десятки, если не сотни казачье-разбойничьих княжеств, которые воюют друг с другом и обирают подданных. Или второй вариант: новый царь правит по-прежнему – и против него затеяна новая революция. Результат тот же: десятки воюющих княжеств.

– А потом, – столь же восторженно перебил его Вранке, – спасителем России от анархии становится наш Фридрих. Ведь прусские войска нельзя разоружить по той же схеме, да мы и не будем это делать. Несколько полков наводят в России порядок, и мы получаем столько жизненного пространства, сколько необходимо нации. Этот вихрь принес нас спасти Третий рейх!

– Не рейх, а Германию, – уточнил майор Келлер. – В этом случае некоему талантливому, но увлекающемуся художнику придется прославлять свое имя только натюрмортами – восток станет нашим задолго до его рождения. Но что же от этого получим мы?

– Во-первых, доживем до утра. В худшем случае погибнем – но не сразу, как будет в случае отказа, – сказал Вернер. – Но, скорее всего, нам за наши заслуги удастся получить какое-нибудь Псковское герцогство или Ярославское княжество. А когда придет прусский король, мы попробуем сыграть в генерала Монка. Может, даже сохраним титулы, став королевскими вассалами.

Вранке вообразил себя герцогом, Келлер его слегка высмеивал. Вернер тоже пошучивал и тихо напевал «Заводы, вставайте...». Унтер Шмидт стал подсвистывать. Еще тише – но Келлер заметил это и удивленно посмотрел на него.

Дверь в царскую горницу распахнулась.

– Царь немцев требует, – гаркнул кто-то. А так как немцы задержались – обтирали пальцы, громко добавил: – Эй, шагай до царя, не журись. Кат уже пьян, до утра не повесим.

Чуть-чуть отряхнувшись и почти не пошатываясь, гости из сталинградского котла вошли к царю. Вранке подбадривал себя «Вахтой на Рейне», а Вернер напевал что-то из Эрнста Буша.

Дверь закрылась.

II. 127 лет спустя

«Правильно ли я сделал, взяв иллюстратором Адольфа? – подумал Александр. – Ведь Эльза рисует лишь немногим хуже. А если наша работа победит, мне придется ехать в Сибирь с Адольфом, а не с ней».

Впрочем, Эльза уже побывала в Сибири и даже на Камчатке, так что не очень обидится. А работа, задуманная Александром, была сложной. Ведь реферат, посвященный альтернативной истории, назывался: «Что было бы, если бы Екатерина победила своего спасшегося мужа?» Тема не менее интересная, чем высадка в Англии Великой армады, гибель в море экспедиции Колумба или захват турками Вены.

– Давай так. Буду тебе читать, кратко. А ты помечай, где будешь делать иллюстрации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.